рис. К. Брюло *окон. М. Иванов*

грав. по вод. Р. М. Богучаровъ

ЕРМАКЪ ТИМОѲѢЕВИЧЪ

Завоеватель Сибири

въ его настоящемъ Русскомъ вооруженіи, слѣдуя рисункамъ Сибирской лѣтописи по списку Ремезова.

ЛѢТОПИСЬ

СИБИРСКАЯ.

Аще намъ всемогій въ Троицы славимый Богъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша будетъ вѣчна.

Слова, произнесенныя козаками, по взятіи городка Атика мурзы.

ЛѢТОПИСЬ
СИБИРСКАЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ

повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли Русскими, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ; съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій.

ИЗДАНА

СЪ РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1821.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. С. П. Б. Генваря 31 дня, 1821 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. И. Тимковскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кто читалъ Сибирскую Исторію, тому извѣстно о существованіи Сибирскихъ лѣтописей. Сколь ни важны для насъ сіи драгоцѣнные памятники, свидѣтельствующіе о знаменитыхъ подвигахъ нашихъ соотечественниковъ, чрезъ кои содѣлались мы обладателями обширной Сибири; но къ сожалѣнію, ни одной Сибирской лѣтописи донынѣ въ свѣтъ не издано и нѣкоторыя изъ нихъ можетъ быть безвозвратно уже потеряны.

Древнѣйшею Сибирскою лѣтописью обязаны мы Тобольскому Архіепископу *Кипріану*, который для составленія оной собралъ въ 7130 (1622) году отъ оставшихся еще тогда въ живыхъ Ермаковыхъ товарищей, многія изустныя свѣденія. По повелѣнію сего же Пастыря внесены въ Синодикъ для всегдашняго поминовенія храбрые завоеватели Сибири, убіенные Татарами.

После Кипріана слѣдуетъ дѣеписатель *Савва Осиповъ*, Дьякъ Сибирскаго Митрополита. Въ находящейся у меня Сибирской лѣтописи, писанной въ новѣйшее уже время и доведенной до 1759 года, упоминается о немъ съ великою похвалою; самъ же Осиповъ о трудѣ своемъ изъясняется слѣдующими словами: « Содѣявшаяся во дни и роды наши и о прочихъ вещахъ кійждо изложихъ по словамъ, да не трудомъ вся обрящутся. О царствѣ же Сибирскомъ и о княженіяхъ написахъ отъ лѣтописца Татарскаго, достовѣрно изпытахъ, еже добрѣ и нѣсколько повѣдаша ми явѣ. Слагалъ сей лѣтописецъ въ лѣто 7145 (1637) Сентября въ первый день. » Преданія, сохраненныя Кипріаномъ, служили основаніемъ для лѣтописца Осипова.

Извѣстна еще лѣтопись, называемая Тобольскою, писанная Ремезовыми, жившими между 1650 и 1700 годами. Вѣроятно тѣ же Ремезовы сочинили чертежъ всей Сибири и описаніе обитающихъ тамъ народовъ, отправленные изъ Тобольска въ Москву Сентября 18 дня 7206 (1698) года съ Сибирскимъ сыномъ-боярскимъ *Аѳанасьемъ Даниловымъ*. Старшій изъ Ремезовыхъ,

по имени *Семенъ Емельяновъ*, имѣлъ званіе сына-боярскаго, а прочіе, *Леонтій*, *Семенъ* и *Иванъ* были его дѣти. Тобольская лѣтопись довольно пространна; и кромѣ древнихъ и новѣйшихъ въ Сибири происшествій, повѣствуетъ о нравахъ и образѣ жизни коренныхъ тамошнихъ обитателей; но обезображена пустыми вымыслами и многими погрѣшностями въ самомъ описаніи происшествій: однако же Миллеръ заимствовалъ свѣденія для своей Исторіи Сибирской наиболѣе изъ сей лѣтописи.

Сверхъ того у нѣкоторыхъ охотниковъ до собиранія древностей хранились, а можетъ быть и нынѣ есть, такъ называемыя простыя лѣтописи, повѣствованія и другіе различные матеріалы для полной Сибирской Исторіи, болѣе или менѣе уважительные.

Всѣ сіи лѣтописи и повѣствованія въ главныхъ предметахъ большею частію между собою сходны; но въ частныхъ случаяхъ и во времени иногда очень много разнятся. Желательно, чтобы онѣ были собраны, разсмотрѣны, и въ одной лѣтописи, признанной лучшею, означены были всѣ отмѣны, прибавленія и поясненія.

По случаю досталась мнѣ рукопись XVII вѣка на 57 страницахъ въ четвертку, писанная красивою скорописью съ киноварными оглавленїями, и заключающая въ себѣ повѣствованїе о взятїи Сибирскїя земли атаманами и козаками Ермакомъ Тимоѳеевымъ съ товарищи, съ показанїемъ предшествовавшихъ оному случаевъ и бывшихъ отъ того послѣдствїй. Сїя рукопись отличается отъ другихъ подобныхъ, какъ краткимъ изложенїемъ, такъ и достовѣрностїю свѣденїй. Она можетъ служить къ исправленїю Хронологическихъ погрѣшностей, допущенныхъ въ Сибирскую Исторїю Миллеромъ и Фишеромъ. Достоинство сей рукописи признано и знаменитымъ нашимъ Исторїографомъ Н. М. Карамзинымъ, употребившимъ ее для 9 тома своей Исторїи Государства Россїйскаго.

Его Сїятельство Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, котораго имя украшаетъ многїе труды, предпринятые для славы и для блага нашего отечества, и съ признательностїю произносимо будетъ благодарнымъ потомствомъ, удостоилъ также вниманїя и сїю любопытную рукопись и доставилъ мнѣ щедротами своими возможность издать ее въ свѣтъ.

При напечатанiи оной я почелъ нужнымъ: 1) назвать ее Лѣтописью Сибирскою, поелику она разположена обыкновеннымъ порядкомъ лѣтописей, и къ выставленнымъ въ ней годамъ отъ сотворенiя мiра присовокупить годы отъ Рождества Христова; 2) изправить недостатокъ правописанiя въ подлинникѣ и другiя очевидныя писцовы ошибки; 3) перемѣнить знаки препинанiя, изъ коихъ въ рукописи находятся однѣ только точки, поставленныя большею частiю не на своемъ мѣстѣ; 4) снабдить ее нѣкоторыми Историческими примѣчанiями и поясненiями. Кромѣ же сихъ необходимыхъ отступленiй, я не сдѣлалъ никакой перемѣны, и сiя печатная лѣтопись имѣетъ совершенное сходство съ своимъ подлинникомъ.

Г. Спасскiй.

1 Января 1821 года.

ЛѢТОПИСЬ СИБИРСКАЯ.

О взятїи Сибирскїя земли: како благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русїи, подарова Богъ Сибирское государство обладати ему Государю и побѣдити Муртазелїева сына Кучума Салтана Сибирскаго, и сына его Царевича Маметкула взяти жива; и како просвѣти Богъ Сибирскую землю святымъ крещенїемъ и святыми Божїими церквами и утверди въ ней святительскїй престолъ Архиепископїю.

Вниде въ слухъ благочестивому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи о частыхъ приходѣхъ Бусурменскихъ, войною на его Государскую землю Пермьскую отъ

Сибирскихъ людей, и како безбожни своимъ приходомъ, его Государевымъ Пермьскія земли городомъ, и посадомъ и селамъ многое плѣненіе и запустѣніе учиниша. И вложи Богъ благочестивому Государю Царю во умъ, разспросити своего Государства вѣдущихъ людей про ту страну, и повелѣ Государь предъ собою поставити Якова и Григорья Строгановыхъ и разспроси ихъ, како бы оберегати Пермьская земля отъ нашествія Сибирскихъ людей и Кучуму бы Салтану чѣмъ тѣснота ему учинити. Они же ему Государю все подробну разсказаше, и слово ихъ ему Государю бысть пріятно, и ихъ пожаловалъ, велѣлъ дати имъ на волю, какъ бы имъ отъ Сибирскихъ людей Пермьской землѣ оберегане учинити и о томъ имъ велѣлъ о всемъ свои Государевы грамоты подавати, о промыслу надъ Сибирскими людьми и иныхъ ордъ земель.

О поставленіи Канкора городка на Пыскорскомъ мысу, идѣже бѣ монастырь всемилостиваго Спаса, зовомый Пыскоръ.

Въ лѣто ҂зѯѕ (1558) году Априля въ д҃ (4) день, благочестивый Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ Григорья Аникіева сына Строганова, ниже великія Перьми за восьмдесятъ и восемь верстъ, въ низъ по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону съ устъ Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону въ низъ Пызновской курьи, по обѣ стороны по Камѣ до Чусовыя рѣки, мѣста пустыя; и въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ изберетъ Григорій Строгановъ мѣсто крѣпко и усторожливо, и городокъ ему поставити, и крѣпости учинити, и пушкарей, и затинщиковъ, и пищальниковъ и воротниковъ велѣли есмя ему устроити собою, для береженья Сибирскихъ, и Нагайскихъ и иныхъ ордъ людей; и ему Григорью, къ себѣ вольно назы-

вати нетяглыхъ и неписьмянныхъ на тѣ мѣста людей, и на Канкоръ городокъ. Грамота Государева дана за приписью Дьяка Петра Данилова; приказали: Окольничей Ѳедоръ Ивановичь Умной, да Алексѣй Ѳедоровичь Адашевъ, да Казначей Ѳедоръ Ивановичь Сукинъ, да Хозяинъ Юрьевичь Тютинъ; а приказъ подписалъ Дьякъ Третьякъ Карачаровъ.

О поставленіи другаго городка на Орловскомъ на волокѣ, зовомый Кергеданъ, а нынѣ зовется Орловъ.

Въ лѣто ҂ЗОВ (1564) мѣсяца Генваря въ В (2) день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ Григорья же Аникіева сына Строганова жаловальною грамотою, въ тѣхъ же мѣстѣхъ, что прежь сего его пожаловалъ, что онъ изобралъ ниже прежняго Канкора городка двадцать

верстъ, мѣсто на Орловскомъ на волокѣ, и ему Григорью собою же поставити стѣны сажень по тридцати, а съ приступную сторону для низи великимъ мѣсто каменемъ закласти; а пищальники и сторожи, въ томъ городкѣ, ему собою же уставити, и держати въ тѣхъ въ обоихъ городкѣхъ нарядъ скорострѣльной: пушечки, и пищали, и затинные, и ручницы подѣлати записнымъ мастеромъ, которыхъ къ себѣ Григорій приговоритъ изъ наймовъ, и у себя Григорью тотъ нарядъ держати. И грамота Государева на тотъ городокъ дана. Припись у грамоты большая Государева Дьяка Юрья Башанина: Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всей Русіи; въ другомъ мѣстѣ припись Сени Непеина: по приказу Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи; въ третьемъ мѣстѣ припись Козмы Романцова: приказалъ Царевымъ и Великаго Князя словомъ; Казначей Никита Аѳанасьевичь Ѳуниковъ, по

памяти съ приписью Дьяка Ивана Булгакова.

О поставленіи Чусовскихъ городковъ.

Въ лѣто ҂ЗОЅ (1568) году Марта въ КЕ (25) день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ Якова Аникіева сына Строганова жаловальною грамотою, отъ усть рѣки Чусовыя въ верьхъ, по обѣ стороны и до вершины, земли и рѣчки до вершинъ; и въ тѣхъ мѣстѣхъ, отъ Камы по Чусовой въ верьхъ восмьдесятъ верстъ, на правой и лѣвой сторонѣ поставить городки для крѣпости и обереганья Сибирскихъ, и Нагайскихъ людей и иныхъ ордъ, и городовой нарядъ скорострѣльной: пушечки, и затинныя пищали и ручныя, и всякія крѣпости подѣлать, и людей ему называть въ тѣ городки вольно: пушкаревъ, и затинщиковъ, и пищальниковъ,

и сторожевъ, и воротниковъ держати. И грамота Государева дана за приписью Дьяка Дружины Володимерова.

О поставленіи острожковъ Сылвянскаго и Яйвинскаго, что поставлены на Сибирскихъ и Нагайскихъ людей пути.

Въ лѣто ҂ЗОИ (1570), по повелѣнію благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, поставилъ Яковъ Строгановъ, для переходу Сибирскихъ и Нагайскихъ людей, чтобы имъ къ Государевымъ Пермьскимъ городомъ пути не было, и для утѣсненія Сылвенскихъ и Иренскихъ Татаръ, и Остяковъ, и Чусовскихъ, и Яйвинскихъ, и Илвинскихъ и Косвинскихъ Вогуличь, надъ Сылвою и надъ Яйвою рѣками, острожки, и нарядъ скорострѣльной, и пушечки, и затинные, и пищали, и ручные, и людей пушкарей, и затинщиковъ, и

пищальниковъ, и ворошниковъ [и сторожевъ] въ тѣхъ острожкахъ устроилъ.

О убїенїи Русскихъ торговыхъ людей и ватащиковъ отъ Черемисы и Башкирцовъ.

Въ лѣто ҂ЗП҃ (1572) году Іюля въ Е҃І (15) день, Божїимъ попущенїемъ прїиде на рѣку Каму Черемиса, и съ собою подговориша Остяковъ, и Башкирцовъ и Буинцовъ множество, и околъ прежреченныхъ городковъ Канкора и Кергедана побиша Русскихъ торговыхъ людей П҃З (87) человѣкъ; и объ томъ благочестивый Государь Царь и Великїй Князь Иванъ Васильевичь всеа Русїи послалъ грамоту свою Царскую, за приписью Дьяка Кирѣя Горина къ Якову да къ Григорью Строгановымъ, а указалъ, чтобы имъ за его Государевыми измѣнники, за Черемисою, и Остяки, и за Башкирцы и за Буинцы, изъ городковъ людей своихъ собравъ

послати. И они, Яковъ и Григорей, выбравъ въ городкѣхъ своихъ голову, и давъ ему ратныхъ людей казаковъ охочихъ и людей своихъ, за ними посылали на его Государевы измѣнники, кои ему Государю измѣнили; они же посланнїи, ихъ окаянныхъ овыхъ побиша, а иныхъ живыхъ взяша, и всѣхъ къ шерти ихъ приведоша, что имъ Государю во всемъ прямить, и быти подручными, и оброки Государю давати, и на супротивныхъ супостатъ Государевыхъ стоять за него Государя безъ измѣны, и аманатовъ у нихъ поимавъ въ свои городки и въ Пермь къ Воеводамъ Государевымъ послали.

О приходѣ Сибирскаго Салтана, Кучумова сына Царевича Маметкула на Чусовую рѣку и о плѣненїи Русскихъ людей.

Въ лѣто ҂ЗПА (1573) Іюля въ К (20) день, на память Святаго Пророка Илїи,

изъ Сибирскія земли съ Тобола рѣки, приходилъ Сибирскаго Салтана Царя Кучумова сынъ Мамешкулъ, собрався съ своими мурзами и уланами ратью на Чусовую рѣку дороги провѣдывати: куда бы ему итти ратью въ Яковлевы и въ Григорьевы Строгановыхъ городки, и въ Пермь великую; да въ томъ приходѣ многихъ людей, данныхъ Остяковъ побили, а жены ихъ и дѣти въ полонъ повели, и посланника Государева Третьяка Чебукова и съ нимъ служилыхъ Татаръ, кои съ нимъ шли подъ Казань въ Казанскую орду, иныхъ побили, а овѣхъ въ полонъ взяша (1), а до Чусовскихъ городковъ не доходя за пять верстъ, что ему полоненики Русскіе сказали, что въ городкахъ людемъ ратнымъ скопъ и васъ-де они къ себѣ ждутъ, и онъ убояся того назадъ воротился; а Яковъ и Григорей за Сибирскою ратью, безъ указа Государева, своихъ наемныхъ казаковъ [изъ городковъ] послать не посмѣли. А прежъ того, Сибирской же Салтанъ

ратью, данныхъ Остяковъ Чагира съ товарищи побили, а иныхъ въ полонъ взяли, которые жили около Чусовскихъ городковъ, и объ томъ Яковъ да Григорей писали благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи къ Москвѣ, чтобы Государь ихъ пожаловалъ, и велѣлъ за ними посылать безпенно и обиды имъ своя мстити. И за то ихъ Государь, Якова и Григорья пожаловалъ, велѣлъ дати свою Государеву грамоту, что имъ въ Сибирской странѣ, за Югорскимъ каменемъ, на Тагчеяхъ, и на Тоболѣ рѣкѣ, и на Иртишѣ, и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится, для береженья и охочимъ людемъ на опочивъ, крѣпости подѣлати, и снарядъ огненной, и пушкарей, и пищальниковъ и сторожей отъ Сибирскихъ, и отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ держати, и около крѣпостей, у рыбныхъ ловель и у пашенъ дворы ставити, по обѣ стороны Тоболы рѣки, и по рѣкамъ, и по озерамъ и до

вершинъ, и крѣпитися всякими крѣпостьми накрѣпко; а кои Остяки, и Вогуличи и Югричи отъ Сибирскаго Салтана отстанутъ, а учнутъ быти подъ его Государевою рукою, а почнутъ Государю дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати къ Москвѣ. И отдавати дань въ Государеву казну, а тѣхъ данныхъ Остяковъ, и Вогуличь и Югричь, и жены ихъ и дѣти отъ Сибирцовъ ратныхъ приходу беречи Якову да Григорью, въ своихъ крѣпостѣхъ; а на Сибирскаго Салтана Якову же и Григорью, сбирая охочихъ и своихъ людей и Остяковъ, и Вогуличь, и Югричь и Самоедь, съ наемными казаками, и съ нарядомъ своимъ посылати воевати, и въ полонъ Сибирцовъ имати, и въ дань за Государя приводити. А станутъ приходити въ тѣ крѣпости къ Якову и къ Григорью, торговые люди Бухарцы, и казацкія орды и иныхъ земель съ какими товары, и имъ у нихъ торговати вольно безпошлинно. И грамота Государева на тѣ мѣста въ Си-

бирскую Украйну, за Югорской камень на Тагчеи, и на Тоболу, и на Иртишь и по Обѣ, на крѣпостныя мѣста, дана лѣта ҂зп҃в (1574) Маія въ л҃ (30) день, за приписью Дьяка Петра Григорьева.

О призваніи Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, съ великія рѣки Волги въ Чусовскіе городки на спомоганіе противъ невѣрныхъ.

Въ лѣто ҂зп҃з (1579) году Априля въ ѕ (6) день, слышаху бо сія Семенъ и Максимъ и Никита Строгановы отъ достовѣрныхъ людей, о буйствѣ и храбрости Поволскихъ казаковъ и атамановъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, како на Волгѣ, на перевозѣхъ, Нагайцовъ побиваютъ и Ардобазарцовъ грабятъ и побиваютъ; и тіи людіе, слышавъ то про ихъ буйство и храбрость, и людей своихъ съ писаніемъ и съ дары многими послаша къ нимъ,

дабы шли къ нимъ въ вотчины ихъ въ Чусовскіе городки и въ острожки, на спомоганіе имъ. И они же вельми сему возрадовашася, яко посланніи пріидоша къ нимъ отъ честныхъ людей и звахy ихъ къ себѣ на помощь; тогда атаманы и казаки, Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никиша Панъ, Матѳѣй Мещерякъ, собрався со единомысленною и предоброю дружиною; число же ихъ ф҃ и м҃ (500 и 40) человѣкъ, вскорѣ шествіе учиниша къ нимъ (2).

О приходѣ Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимоѳеева съ товарищи, въ Чусовскіе городки.

Тогожъ году Іюня въ к҃и (28) день, на память Святыхъ Чудотворецъ и безсребреникъ Кvра и Іоанна, пріидоша съ Волги атаманы и казаки, Ермакъ Тимоѳеевъ Поволской съ товарищи, въ Чусовскіе городки; они же Семенъ и

Максимъ и Никита Строгановы пріяша ихъ съ честію и даяху имъ дары многи, и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху. Атаманыже и казаки стояху противъ безбожныхъ Агарянъ буйственно и единомысленно, съ живущими ту людьми въ городкѣхъ, и біяхуся съ безбожными Агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху, и на невѣрныхъ поощряхуся: пожиста же они атаманы и казаки въ городкахъ ихъ два лѣта и мѣсяцы два (3).

О приходѣ Вогуличь подъ Чусовскіе городки и подъ Сылвянской острожокъ войною.

Въ лѣто ҂ЗПѲ (1581) Іюля въ КВ (22) день, злокозненный же дьяволъ, иже искони не навидяй добра человѣческому роду, поощри злаго и безбожнаго Вогульского мурзу Бегбелія Агтакова съ своимъ съ Вогульскимъ и Остяцкимъ собраніемъ, а собранія его ХП (680)

человѣкъ, и пріидоша подъ Чусовскіе городки и подъ Сылвянской острожекъ безвѣстно, украдомъ, и ту окрестъ живущихъ села и деревни поплѣниша, и пожгоша, и въ полонъ многихъ людей, мужей и женъ и дѣтей поимаша; но преблагій Богъ не попусти окаянныхъ. Вскорѣ надъ ними безбожными, Рустіи вои побѣду учинили изъ городковъ своихъ, и многихъ у городковъ поимаша, и по тѣмъ вѣстямъ на переходѣхъ многихъ побиша, а иныхъ многихъ переимаша, и мурзу ихъ Бегбелія Агтакова взяша жива. И они безбожніи видя свое изнеможеніе, что Богъ подалъ надъ ними побѣду, Государю объ томъ добили челомъ и вину свою принесли, что быть имъ подъ данью Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи и на Русскую землю не приходити войною.

О посланіи Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимоѳеева съ товарищи и ратныхъ людей Строгановыхъ въ Сибирь, на Сибирскаго Салтана.

Въ лѣто ҂ЗЧ҃ (1582) году Сентября въ а҃ (1) день, на память Преподобнаго отца нашего Семїона Столпника, послаша изъ городковъ своихъ Семенъ и Максимъ и Никита Строгановы, въ Сибирь на Сибирскаго Салтана Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, и съ ними собравъ изъ городковъ своихъ ратныхъ людей, Литвы, и Нѣмецъ, и Татаръ и Русскихъ людей буйственныхъ и храбрыхъ предобрыхъ воиновъ триста человѣкъ, и ихъ съ Волскими атаманы и казаки отпустиша вмѣстѣ за едино, и того ихъ собранїя учредиша осмь сотъ четыредесять человѣкъ буйственныхъ и храбрыхъ; и отпѣвше соборнѣ молебная пѣнїя всемилостивому въ Троицы славимому Богу, и Пречистой его

Богоматери и всѣмъ небеснымъ силамъ и свяшымъ угодникамъ его, и удоволиша ихъ мздою, и одѣянїи украсиша ихъ и оружїемъ огненнымъ: пушечки и скорострѣльными пищальми семипядными, и запасы многими, и всѣми сими довольно сподобиша ихъ, и вожевъ вѣдущихъ шой Сибирскїй пушь, и шолмачевъ бусурменскаго языка имъ даша, и ошпусшиша ихъ въ Сибирскую землю съ миромъ. Они же ашаманы и казаки съ приборными людьми, поидоша съ радосшїю въ Сибирскую землю на Сибирскаго Салшана, со учрежденїемъ полковъ на очищенїе Сибирскїя земли, очисшиши мѣсшо и ошогнаши безбожнаго варвара. Ашаманы же и казаки идоша по Чусовой рѣкѣ въ верьхъ до усшь Серебряныя рѣки чешыре дни, и по Серебряной идоша два дни и дойде Сибирскїя дороги, и шу городокъ земляной посшавиша и назва его Ермаковъ Кокуй городокъ, и съ шого мѣсша перевезеся кє (25) поприщь за волокъ, на рѣку рекомую Жаравли, и по шой

рѣцѣ поидоша въ низъ и вышедъ на Туру рѣку: ту бѣ и Сибирская страна (4).

О приходѣ Сибирскихъ людей Пелымскаго князя подъ Пермьскіе городы, и подъ Канкоръ, и подъ Кергеданъ и подъ Чусовскіе городки, и подъ Сылвянской и Яйвинской острожки.

Въ та же времена девять десятыя годины и въ число дневи, на память Преподобнаго отца нашего Семіона Столпника, злочестивый и безбожный князь Пелымскій ярости многи наполнися, но и паки звѣрострашіемъ объятъ бысть, и умысли злохитрое коварство въ сердцы своемъ и начатъ лесть съ лукавствомъ сшивати, и бысть ему безбожному ко своей погибели; тогда онъ злочестивый собра воя своя, число же ихъ седмь сотъ человѣкъ, и подозва съ собою буйственныхъ, и храбрыхъ и сильныхъ мурзъ и улановъ Сибирскія же земли со мно-

жествомъ вои; онъ же злый по неволи взя съ собою Сылвянскихъ, и Косвинскихъ, и Иренскихъ, и Ивинскихъ и Обвинскихъ Татаръ, и Остяковъ, и Вогуличь, и Вотяковъ и Башкирцовъ множество, и прїиде съ вои своими, яряся, на Пермьскїя городы на Чердынь, и тѣ мѣста поплѣниша и пожгоша, дондеже и къ стѣнамъ града сурово и люто зѣло приближишася ко граду, едва не взяту бывшу. Но всемогїй Богъ не попусти окаянныхъ; и вскорѣ отъ того мѣста поидоша подъ Кай городокъ и ту велїю пакость учиниша, и оттолѣ окаяннїи прїидоша подъ Камское усолье, и ту села и посады пожгоша, и людей поплѣниша; и прїидоша подъ Канкоръ и подъ Кергеданъ городки, а оттолѣ поидоша подъ Чусовскїе городки и подъ Сылвянской и Яйвинской острожки, и внезапу окаяннїи нападоша на Чусовскїе городки, и около ту живущихъ крестьянъ множество посѣкоша и села ихъ и жилища пожгоша, и немилостивно православныхъ плѣняху, и

полону многу взяту бывшу. Волскихъ же атамановъ и казаковъ не бѣ ту въ городкѣхъ; прежде прихода его, окаяннаго и безбожнаго Пелымскаго князя, тоя же годины, послаша ихъ Семенъ и Максимъ и Никита въ Сибирскую землю, на Сибирскаго Салтана, а оставшіи людіе въ городкѣхъ и въ острожкѣхъ своихъ отъ окаянныхъ и безбожныхъ Татаръ, отъ ихъ злаго притуженія, едва смерти избыша, не силою своею, но Божіею помощію, и оттолѣ многія скорби и притуженія пріимаху отъ окаянныхъ. Они же Семенъ и Максимъ и Никита съ мужественными своими и храбрыми людьми, призва себѣ въ помощь всемилостиваго, въ Троицы славимаго Бога, и Пречистую его Богоматерь, и всѣхъ угодникъ его, но и паче устремишася и мужественно и единомышленно стояху въ великомъ отъ окаянныхъ притуженіи, и бьяхуся крѣпко и мужественно со окаянными, и много множество отъ обою странъ падоша; окаянніи же увѣдаху, что

Руссшіи вои поидоша въ ихъ Сибирскую землю войною, и шого устрашишася, и шако, Божїею помощїю, окаяннїи варвары побѣждени быша, и полонъ Русскій у нихъ отъятъ бысть; они же безбожнїи отойдоша посрамлени, аки пси во своя мѣста. И объ томъ Пелымскаго Князя приходѣ писалъ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи изъ Чердыни Воевода Василій Пелепилицынъ, что Пермьскую землю повоевали, села и погоста и посады пожгли, а Семенъ и Максимъ и Никита Строгановы, его Государевымъ городомъ не помогли, и людей отъ себя на помощь не послали, и Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи не отпустили къ нему на помощь. И о томъ прислана съ Москвы Государева Царева и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русїи грамота въ Чусовской городокъ, за приписью Дьяка Андрѣя Щолканова ҹ҃ча (1582) году Ноября въ ѕ҃ (6) день, къ нимъ къ Семену

и Максиму и Никитѣ Строгановымъ. А въ Государевѣ грамотѣ пишетъ: «Писалъ къ намъ изъ Перми Василїй Пелепелицынъ, что послали вы изъ острожковъ своихъ Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи воевать Вотяки, и Вогуличь, и Татаръ, и Пелымскїя и Сибирскїя мѣста ҁ҇ча (1582) году Сентября въ а҇ день; а въ тотъ же день, собрався Пелымской Князь съ Сибирскими людьми и съ Вогуличи, приходили войною на наши Пермьскїя мѣста, и къ городку Чердыню и къ острогу приступали, нашихъ людей побили и многїе убытки нашимъ людемъ учинили; и то сдѣлалось вашею измѣною: вы Вогуличь, и Вотяковъ и Пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задрали и войною на нихъ приходили; да тѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ Салтаномъ ссорили насъ; а Волскихъ атамановъ, къ себѣ призвавъ, воровъ наняли въ свои остроги, безъ нашего указа; а тѣ атаманы съ казаки, прежъ того ссорили насъ

съ Нагайскою ордою, пословъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали, и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людемъ многiе грабежи и убытки чинились, и имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу Пермьскую землю оберегати, и они сдѣлали съ вами вмѣстѣ по тому же, какъ на Волгѣ чинили и воровали: въ которой день въ Перьми къ Чердыни приходили Вогуличи, а въ тотъ же день отъ васъ изъ острожковъ, Ермакъ съ товарищи, пошли воевать Вогуличь, и Остяковъ и Татаръ, а Перми ни чѣмъ не пособили. И мы послали въ Пермь Воина Аничкова, а велѣли тѣхъ казаковъ Ермака съ товарищи взявъ, отвести въ Пермь и въ Усолье Камское и тутъ имъ стояти велѣли раздѣляся; а однолично бы вамъ у себя казаковъ не держати, а буде вамъ для приходу въ острогѣхъ быти не льзя, и вы бы у себя оставили немногихъ людей, съ которымъ атаманомъ, человѣкъ до ста, а достальныхъ всѣхъ выслать въ Чер-

дынь одноличио тотчасъ. А не вышлете изъ остроговъ своихъ Волскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимоѳеева съ товарищи, а учнете ихъ держати у себя, и Пермьскихъ мѣстъ не учнете оберегати, и такою вашею измѣною, что надъ Пермьскими мѣсты учинится отъ Вогуличь, и отъ Пелымцовъ и отъ Сибирскаго Салтана людей, и впередъ намъ въ томъ опала на васъ своя положити большая; а атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать; и вы бы тѣхъ казаковъ одноличио отпустили отъ себя въ Пермь. Писанъ на Москвѣ лѣта „ЗЧА (1582) году Ноября въ SI (16) день» (5). И по симъ Семенъ и Максимъ и Никита быша въ велицей печали о томъ, что прежде его Государево Царево и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русїи повелѣнїе бысть по прежнимъ его Государевымъ грамотамъ, велѣно городки ставити и людей воинскихъ прибирать на Сибирскаго

Салтана; а нынѣ его же Государевъ указъ, что не велѣно отпущати Волскихъ атамановъ и казаковъ, а у нихъ въ Сибирь отпущены казаки Ермакъ съ товарищи.

О приходѣ Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи, на Тавду рѣку въ Сибирской землѣ.

Въ лѣто ҂ЗЧ (1582) году Сентября въ ѳ (9) день, на память Богоотецъ Іоакима и Анны, пріидоша воини въ ту Сибирскую землю безстрастни, и многіе Татарскіе городки и улусы повоевали, въ низъ по Турѣ и дойдоша до Тавды рѣки въ мужествѣ, и на усть той рѣки поимаше Татаръ. Единъ бѣ отъ нихъ, именемъ Таузакъ, Царева двора, и повѣда имъ все порядy, про Сибирскихъ царей, и князей, и мурзъ и улановъ, и про Царя Кучума; они же увѣдаше отъ него о всемъ достовѣрно, и отпустиша его, да скажетъ Кучумови

Салтану пришествіе ихъ, и мужество и храбрость. И отъ него же Таузака слышано бысть Царю Кучуму пришествіе Русскихъ воиновъ, и ихъ мужество и храбрость, и повѣдаша ему сице: такови бо суть Рустіи воини сильни, егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огнь пашетъ и дымъ великій изходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси, а стрѣлъ изходящихъ отъ нихъ не видѣти, уязвляютъ ранами и смертно побиваютъ, а ущититься отъ нея никакими ратными збруями невозможно: куяки, и бегтерцы, и пансыри и колчюги наши не держатъ, все пробиваютъ на вылетъ (6). Царь же Кучумъ о семъ оскорбися и опечалися вельми зѣло, и паки въ недоумѣніи мнозѣ бысть, и посылаетъ во всю свою державу, по градомъ и по улусомъ, дабы къ нему ѣхали во градъ на спомоганіе противу Русскихъ сильныхъ вой ополчишися; въ малѣ же времени собрашеся къ нему все множество воя его, князи, и мурзы, и

уланове и Татары, и Остяки, и Вогуличи и прочая языцы подъ его властїю вси.

Тоя Сибирскїя земли о царехъ и о князехъ, како и откуду начашася.

Бысть въ Сибирской странѣ на рѣкѣ Ишимѣ нѣкто, Магметова закона, царь именемъ Иванъ, родомъ Татаринъ; и возста на него, его державы отъ простыхъ Татаръ, именемъ Чингисъ, и нашедъ на него аки разбойникъ, призвавъ подобныхъ себѣ, и уби его и самъ бысть царь. И нѣкто отъ слугъ Царя Ивана, сына его Царевича Тайбугу соблюде отъ Чингисова убїйства. И по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ увѣда Чингисъ про Тайбуга, яко сынъ есть Царя Ивана, его же уби и царствомъ его завладѣ, и почте его великою честїю, и прозва его князь Тайбуга, и инѣмъ повелѣ его такожъ звати. И по семъ Тайбуга начатъ проситися, дабы от-

пущенъ былъ; онъ же собираетъ ему воинство и отпустиша его. Той же пришедъ на рѣку, рекомую Иртишь, идѣ же живястa Чюдь, и потомъ властію своею покори себѣ многихъ людей, живущихъ по рѣкѣ Иртишу и по великой Оби, и оттолѣ возврашися, и бывъ у него немного время, и паки начатъ проситися; Чингисъ же отпусти его, аможе хощетъ и тамо да пребываетъ. Онъ же пришедъ на рѣку Туру, и поставиша градъ и назва его Чингіи, а нынѣ на томъ мѣстѣ Христіанскій градъ, рекомый Тюмень. По немъ же княжилъ въ томъ градѣ сынъ его Ходжа, по Ходжѣ же княжилъ сынъ его Маръ; а той Маръ женатъ былъ на сестрѣ Казанскаго Царя Упака, и сей Упакъ уби зятя своего Мара, и градомъ тѣмъ владѣлъ много лѣтъ; и по семъ Адеровъ сынъ Маметъ, Царя Упака убилъ. Маровы дѣти: Адеръ да Яболакъ; а Адеровъ сынъ Маметъ. Той Маметъ Царя Упака убилъ и поставилъ градъ надъ рѣкою Иртишемъ,

и назва Сибирь, и княжилъ въ томъ градѣ; а по немъ княжилъ Яболаковъ сынъ Агашь; а по немъ Мамешовъ сынъ Казый; по немъ дѣти его: Ешигеръ да Бекбулатъ. И пріиде на нихъ изъ степи съ поля Царь Кучумъ, Муршазелїевъ сынъ, со многими воинскими людьми, и уби Ешигера и Бекбулата, и оттолѣ прозвася Кучумъ Сибирскій Царь. А Бекбулатовъ сынъ Сейдекъ, того увезоша въ Бухары въ малѣ возрастѣ. А у Царя Кучума два сына: единъ бѣ именемъ Мамешкулъ, а вторый Алли (7).

О посланїи Царя Кучума сына своего Маметкула на Русскіе вои ратью.

Злочестивый же Царь Кучумъ посла сына своего Мамешкула со множествомъ воинства своего, и повелѣ имъ мужески ополчитися противу нашедшихъ Русскаго воинства; самъ же Кучумъ повелѣ себѣ учинити засѣку

подлѣ рѣку Иртишь подъ Чувашїемъ, и засыпати землею и многими крѣпостьми утвердиша, но краткимъ словомъ реку, яко есть достойно на утвержение. Маметкулъ же со множествомъ вои своихъ доиде до нѣкоего урочища, иже бо именуется Бабасанъ. Рустїи же вои, атаманы и казаки видѣвше таковое поганыхъ собранїе, того нимало устрашишася, возложиша упованїе на Бога, изъ остроговъ своихъ скоро изходятъ, и на поганыхъ устремишася. Поганїи же противу нашедшихъ крѣпце и немилостивно наступаху на конѣхъ, копѣйнымъ пораженїемъ и острыми стрѣлами казаковъ уязвляютъ вельми; Рустїи же людїе начаша стрѣляти изъ пищалей своихъ, и изъ пушечекъ скорострѣльныхъ, и изъ дробовыхъ, и изъ затинныхъ, и шпанскихъ, и изъ аркобузовъ, и сими побивающе поганыхъ безчисленное множество; и въ то время бысть брань жестока съ Татарскими вои, и паденїе отъ обоихъ странъ мно-

го множество. Поганіи же видѣвше вои своихъ веліе паденіе предъ Русскими вои, и вдашася бѣгству. Рустіи же казацы паки поидоша по рѣкѣ Тоболу и пойдоша подъ гору; поганіи же начаша стрѣляти съ горы, и съ верьху падоша стрѣлы на струги ихъ аки дождь, и та мѣста проидоша ни чимъ не врежени отъ Татаръ (8).

О пришествіи Русскаго воинства подъ Карачинъ улусъ, думчаго царева.

Пріидоша казаки подъ Карачинъ улусъ, и ту вторую брань сотвориша съ Карачею, думчимъ царевымъ, также взяше улусъ его, въ немъ же царевъ медъ и богатство царево взяше въ струги своя; поганіи же постигоша ихъ у рѣки Иртиша, овіи на конѣхъ, а ини пѣши. Атаманы же и казаки ту на брегу съ ними брань составиша, и мужески на поганыхъ наступаютъ, и въ то время бысть сраженіе веліе обоимъ

странамъ до смертнаго посѣченія. Тогда видѣвши поганіи своихъ паденіе веліе предъ Русскими вои и вдашася невозвратному бѣгству. И на томъ бою Русскаго воинства, отъ Ермаковы дружины, мало убіенно бысть, точїю киждо уязвлени быша. Царь же Кучумъ видѣвъ своихъ вои, яко побѣждени быша, и изыде со многими своими людьми, и ста на высоцѣ мѣстѣ на горѣ, по реклому Чувашевѣ, а у засѣки остася сынъ его Маметкулъ со многими людьми; казацы же поидоша по рѣцѣ Иртишу въ верьхъ (9).

О взятіи городка Атикъ-мурзы.

Пріидоша Русское воинство подъ городокъ Атикъ мурзы и взяше его, и сѣдоша въ немъ (10), уже нощи пришедши, тьмѣ нашедшу. Видѣвше же казаки у засѣки толикое поганыхъ собраніе, они же сего устрашишася и рекоша себѣ: како можемъ стати

противу толикаго собранія? И начаша размышляти въ себѣ, и учини кругъ и совѣтъ благъ сотвориша о томъ, и глаголаша другъ ко другу: отойти ли намъ мѣста сего или стояти единодушно? Иніи начаша мыслити и глаголати: лутче бы намъ было, аще отъидемъ отъ нихъ въ отходъ; а иніи же супротивъ глаголаху жестостію твердо: «О братія наша единомысленная, камо намъ бѣжати? уже осени достигшу и въ рѣкахъ ледъ смерзается, не дадимся бѣгству, и тоя худыя славы себѣ не получимъ, ни укоризны на себѣ не положимъ, но возложимъ упованіе на Бога; не отъ многихъ бо вои побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ бо и безпомощнымъ Богъ помощи. Слышали есмы братія сами, колико зла сотворихъ безбожніи они и окаянніи Агаряне Сибирскія земли, Салтанъ Кучумъ, нашей Русской Пермьстей земли, Государевымъ городомъ запустѣніе, и православнымъ Христіаномъ посѣченіе и

плѣненіе веліе, и Строгановыхъ острожкомъ колико зла учиниша? Того ради всемогій Богъ мститъ имъ окаяннымъ за кровь ихъ крестьянскую. Возпомянемъ, братіе, обѣщаніе свое, како мы честнымъ людемъ, предъ Богомъ, обѣты и слово свое даша, и увѣрившеся крестнымъ цѣлованіемъ, елико всемогій Богъ нашъ помощи подастъ, а отнюдь не побѣжати, хотя до единаго всѣмъ умрети, а вспять возвратитися не можемъ, срама ради и преступленія ради слова своего, еже съ клятвою обѣщахомся. Аще намъ всемогій въ Троицы славимый Богъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ.» И по семъ атаманы и казаки, утвердившеся вси единодушно, и мужественно укрѣпившеся, и увѣришась до единаго, и вси глаголаху едино вкупѣ: «Готови умрети за святыя Божія церкви, и за истинную православную вѣру пострадати, и благочестивому

Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи послужимъ, и постоимъ противу поганыхъ твердо до крови, и до самыя смерти; и того, братїя, не премѣнимъ обѣта своего, и вси единодушно на томъ станемъ непоколебими.» И всѣмъ совѣтъ имъ бысть благъ. И уже нощи прошедши, свитающу дневи, и солнцу просїявшу, просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистанїемъ, Ермакъ же о дѣлѣ своемъ зѣло печашеся, и рече дружинѣ своей со слезами: «О друзи и братїя! помолимся Богу и Пречистой его Богоматери, и всѣмъ небеснымъ силамъ и угодникамъ его, дабы сохранени быша отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ нашествїя.» И изыдоша изъ городка на бой мѣсяца Октября въ КГ (23) день, на память святаго апостола Іякова брата Господня, и вси вкупѣ, яко единѣми усты глаголаху: съ нами Богъ! и паки: Господи, помози намъ рабомъ своимъ. И начаша приступати къ засѣкѣ мужественно и сурово зѣло;

и бысть съ погаными брань велія. Поганіи же пустиша стрѣлы тьмочисленныя съ верьху засѣки и изъ бойницъ, и мнозѣхъ отъ Ермаковы дружины буйственныхъ овѣхъ уязвляютъ, а иныхъ смертно убиваютъ. Поганіи же видѣвше храбрыхъ мужей паденіе, и разломиша сами засѣку свою въ трехъ мѣстѣхъ, и изыдоша на вылазку, надѣяхуся казаковъ невозвратному бѣгству предати; и въ то время на вылазкѣ составишася брань велія, крѣпко бьющеся, дондеже другъ друга за руки емлюще сѣчахуся; казацы же на поганыхъ вси единодушно устремишася, и показавше храбрость свою и жесточь предъ нечестивыми и безбожными Агаряны. По малу же времени поганіи начаша оскудѣвати въ силѣ своей, Богъ же казацѣмъ на поганыхъ побѣду дая; казацы жи поля приобрѣтаютъ, и одолѣваютъ ихъ, и безчисленно поганыхъ побиваютъ, и отъ засѣки отбиша, и знамена своя на засѣку поставиша, и Царевича Маметкула уязвиша, но вои

его увезоша въ малой лодицѣ за Иртишъ рѣку. Царь же Кучумъ стояше на высоцѣ мѣстѣ, и видѣвъ своихъ Татаръ паденїе, и сына своего Маметкула уязвленїе, и бѣгство скоро, повелѣ мулламъ своимъ кликати свою скверную бусурменскую молитву; и начаша призывати къ себѣ на помощь скверные своя боги, и не бысть имъ ни мало помощи. И въ то время князи Остяцкїи отойдоша съ своими людьми кождо во свояси. Царь же Кучумъ видѣ свою погибель и царства своего и богатства лишенїе, рече ко всѣмъ своимъ съ горькимъ плачемъ: «О мурзы и уланове! побѣжимъ не медлимъ, сами бо видимъ своего царства лишенїе, сильнїи наши изнемогоша и храбрїи воини вси побїени быша. О горе мнѣ! что сотворю, или камо бѣжу? покры срамота лице мое. Кто мя побѣди и царства моего лишихъ? простыхъ бо людей послаша на мя Строгановы изъ своихъ острожковъ, свои мнѣ мстити обиды, атамановъ и казаковъ

Ермака съ товарищи, не со многими своими людьми, и тои насъ нашедъ побѣди, и толико намъ зла сотвори: воинство мое избиша, и сына моего уязвиша, еле жива отъ нихъ увезоша, и мене самаго посрами, и отъ царства моего отгна, обратися болѣзнь моя на главу мою, и неправда моя сниде на мя; азъ бо чужая съ радостїю прияхъ, Русскую землю воевахъ, Пермь великую и Строгановыхъ острожки, а нынѣ всего своего лишенъ быхъ, и самъ побѣжденъ бысть: нѣсть бо тоя радости на земли, иже не премѣнится на жалость.» И прибѣже окаянный во градъ Сибирь и взя себѣ мало нѣчто отъ сокровищь своихъ, и вдашася невозвратному бѣгству, а градъ Сибирь оставиша пустъ. Храбрый же Ермакъ съ дружиною прїидоша во градъ Сибирь, послѣди же рекомый Тоболескъ, мѣсяца Октября въ КS (26) день, на память святаго Великомученика и Страстотерпца Дмитрїя Селунскаго, и прославиша Бога, давшаго имъ побѣду

на поганыхъ и окаянныхъ Агарянъ, радующесь радостїю великою; богатства же отъ злата и сребра, и паволоки златыя и каменїе многоцѣнное, и соболина, и кунья и лисицъ драгихъ вельми множество взяша, и по себѣ раздѣляютъ; дивно бо бѣ слышати, и достойно воистину прославити всесильнаго въ Троицы славимаго Бога, давшаго побѣду на поганыя супостаты, и побѣдиша гордаго царя Кучума не многими бо сильними воини Русскими. Елико бо царь Кучумъ собра воинъ своихъ, яко же изрещись, единому казаку противишися съ десятьми, или съ двадцатьми или съ тридесятьми погаными, и зѣло восплакася окаянный о множествѣ вои своихъ погибшихъ; но Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ Христїяномъ даетъ благодать свою. На четвертый день прїидоша во градъ къ Ермаку съ дружиною Остяцкїй князь именемъ Бояръ со многими Остяки, и привезоша съ собою многїе дары и запасы;

и посемъ учали приходити многіе Татарове съ женами и съ дѣтьми, и учали жити въ прежнихъ своихъ юртахъ.

О убіеніи казаковъ на рыбной ловлѣ подъ Яболакомъ.

Тое же зимы, Декабря въ є҃ (5) день, Волскимъ казакамъ, Ермакове дружинѣ, безъ опасенія идущимъ къ рыбной ловлѣ къ нѣкоему урочищу, иже зовется Яболакъ; казацы же быша въ стану своемъ; Царевичь же Маметкулъ пришедъ внезапу и побиша ихъ безъ остатку. Слышано же бысть во градѣ томъ убіеніе ихъ; Ермакъ же о семъ оскорбися много зѣло и на гнѣвъ подвижась, и возъярися сердцемъ велми, и повелѣ дружинѣ своей препоясатися оружіемъ и шедъ на брань, и въ слѣдъ погнаша поганыхъ и постигоша ихъ подъ Яболакомъ. И тако воини повелѣніе Ермаково изполняютъ и мужески

на поганыхъ нападаютъ и брань спускаютъ, и ото обою страну другъ на друга сурово и немилостивно наскачутъ, и отъ смертныхъ пораженій падаютъ, трупія мертвыхъ ото обою странъ; уже бо нощнѣй тьмѣ нашедши и брань преста, а поганіи побѣгоша; Ермакъ же съ дружиною своею возвратишась во градъ.

Како Кучумова сына, Царевича Маметкула, взяше жива.

Тое же весны, по водополію, пришедъ во градъ Татаринъ именемъ Сеибохта, а сказалъ, что Царевичь Маметкулъ стоитъ на рѣцѣ Вогаѣ, и нѣцы отъ Ермаковы дружины поидоша на Вогаи, и дошедше мѣста того и нападоша нощію на станъ Царевичевъ, и много поганыхъ побиша, и Царевича Маметкула жива яша, и во градъ къ себѣ приведоша его. Царь же Кучумъ много стоя на рѣцѣ Ишимѣ, ожидая сына

своего Маметкула; не по мнозѣ времени прїидоша къ нему вѣстницы и повѣда ему вся поряду, и яко сына Маметкула казаки полониша; Царь же Кучумъ о семъ не мало болѣзнуетъ, скорбїю велїею одержимъ зѣло, ради сына своего Маметкула.

О приходѣ князя Сейдека Бекбулатова на Царя Кучума.

И по малѣ времяни, прїидоша къ нему инїи вѣстницы, и сповѣдаша ему, яко идетъ на него князь Сейдекъ, Бекбулатовъ сынъ, со многими воинскими людьми; Царь же Кучумъ, слышавъ то, вельми устрашися зѣло. И по семъ его думчей Карача съ своими людьми отойде отъ него; Царь же Кучумъ плакася горько и рече къ себѣ: « его же Богъ не милуетъ, тому и честь на безчестїе приходитъ; того и любимїи друзи оставляютъ. » Карача же пришедъ въ Лымскую землю, и

нача жити на большемъ озерѣ, выше рѣкц Тары, близь рѣки Сосмы.

О буйствѣ и храбрости Ермаковѣ, и о взятїи Назыма града и о убїенїи Никиты Пана Волскаго атамана съ его дружиною.

Того же лѣта, храбрствующу Ермаку съ дружиною своею, и обнажиша мечи свои на нечестивые, и толико въ крѣпости меча своего многїе городки и улусы Татарскїе по рѣкѣ Иртишу и по великой Обѣ, и Назымъ градъ Остяцкой взяше со княземъ ихъ; и въ томъ хоженїи погани убиша подъ городки своими на приступѣ атамана Никиту Пана съ его дружиною (11). Ермакъ же съ вои своими возвратишася во градъ Сибирь, и о томъ изъ Сибири атаманы и казаки, Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи, къ честнымъ людемъ къ Семену и къ Максиму и къ Никитѣ, въ ихъ городки, писаша: егда Господь,

въ Троицы славимый Богъ, изволи убо одолѣти имъ Кучума Салтана, и градъ его стольный взять въ Сибирской его землѣ, и сына его Царевича Маметкула жива взяша. И тогда Семенъ и Максимъ и Никита Строгановы, изъ острожковъ своихъ, по ихъ атамановъ и казаковъ отпискамъ, писаша къ Москвѣ благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, о взятіи и одолѣніи Сибирскія земли и ятіи Царевича Маметкула; послѣди же того и сами, не во мнозѣ времени пріѣхавше къ Москвѣ, и Государю о всемъ о томъ извѣстиша вся поряду: како изъ острожковъ своихъ казаковъ Волскихъ съ своими людьми отпустиша въ Сибирскую землю, войною на Сибирскаго Царя Кучума, и о взятіи Кучумова сына Царевича Маметкула, и града его стольного Сибири, и о отгнаніи Царя Кучума, и о усмиреніи Сибирскія земли, все ему Государю повѣдаша. И Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи,

за ихъ службу и радѣнье, пожаловалъ городы Солью большою, еже есть на Волгѣ, и Солью малою, и грамоту свою Царскую на тѣ мѣста Семену Строганову пожаловалъ, за красною печатью, за приписью Посольскаго Дьяка Андрѣя Щолканова, почему ему тѣми городами владѣти, а Максима и Никиту Строгановыхъ же пожаловалъ, въ городкѣхъ и въ острожкѣхъ ихъ торговати имъ, и у нихъ всякимъ людемъ безпошлинно.

О посланіи казаковъ Государю, къ Москвѣ, съ отписками бити челомъ Государію Царю и объявляти свою службу.

Тогда же они атаманы и казаки Волстіи, Ермакъ Тимоѳеевъ съ дружиною своею, изъ Сибири писаше къ Москвѣ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, о взя-

тїи града стольного Сибири, и о отгнанїи Царя Кучума, и о ятїи Царевича Маметкула, и о усмиренїи Сибирскїя земли. И слышавъ Государь милость Божїю, что Богъ ему, Государю, покорилъ Сибирскую землю, и Царевича Маметкула взята жива, и тѣхъ казаковъ пожаловалъ, кои къ нему Государю прiѣхали съ тою вѣстїю, великимъ своимъ жалованьемъ, деньгами, и сукнами, и камками; а кои въ Сибири атаманы и казаки, и тѣмъ Государь пожаловалъ, велѣлъ послать имъ свое Государево полное большое жалованье, и воеводъ велѣлъ отпустить съ людьми служилыми въ Сибирскїе городы, которые ему Государю Богъ поручилъ, а Царевича Маметкула указалъ Государь къ Москвѣ послати.

О посланіи съ Москвы Государевыхъ Воеводъ въ Сибирь Князя Семена Болховскаго да Ивана Глухова.

И во второе лѣто, по взятіи Сибирскія земли, послалъ Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, съ Москвы, Воеводъ Князя Семена Болховскаго да Ивана Глухова, со множествомъ воинскими людьми, въ Сибирь; атаманы же и казаки стрѣтоша ихъ съ великою честію; Государевы же Воеводы, по Государской росписи Государево имъ жалованье объявиша, и пришедъ въ городъ въ Сибирь и имъ даша. Они же атаманы и казаки, Государевыхъ Воеводъ одариша драгими собольми, и лисицами и всякою мягкою рухлядью, елико кто что можаху, и радости наполнишася, и веселяхуся благодаряще Бога, видя къ себѣ Государское жалованье, что къ нимъ пожаловалъ Государь послалъ за ихъ атаманскую и казачью службу (12).

Како въ Сибири бысть гладъ людемъ.

Тое же зимы, егда пріидоша Московстіи вои въ Сибирь къ казакамъ, и кои запасы съ собою привезоша и тіи изъядоша, а казацы запасъ пасяху, смѣтеся по своимъ людемъ, а того не вѣдуще Московскія силы людей пришествія къ себѣ; и того ради бысть оскудѣніе веліе всякимъ запасомъ, и мнози отъ гладу изомроша Московстіи вои и казацы, и Воевода Князь Семенъ Болховскій тожъ умре, и положенъ бысть въ то время въ Сибири. И по семъ убо зимняя година пройде, мразу и студени облегчевшу отъ солнечныя теплоты, и настомъ наставшимъ, и звѣриной ловлѣ лосьей и оленьей приспѣвшу, и тѣмъ людемъ питающеся и гладу облегчевающу, и егда веснѣ приспѣвшу, и отъ теплости воздуха снѣгу растаявшу, и всяка тварь ботѣюще, и древесамъ и травамъ прорастающимъ, и отверзеніе водамъ бысть.

тогда убо всяко живошно веселящеся, и птицамъ прилетающимъ въ та мѣста плодовъ своихъ ради, и въ рѣкахъ рыбамъ плоду ради ходящимъ, и рыбной ловлѣ и птичьей бывшу много множество, и тою ловитвою питавшеся, и гладу людемъ не бысть, а кои языцы окрестъ живуще того мѣста, Татаровя, и Остяки и Вогуличи привожаху имъ запасы отъ звѣрей, и птицъ, и рыбъ и отъ скотъ вельми множество, кои подъ его Государевою рукою бысть дальни и ближни, и отъ товаровъ драгихъ, отъ всякія мягкія рухляди. Тогда Московстіи людіе и казацы, Божіею милостію, всякими брашны изобильны быша и богатства себѣ приобрѣтаютъ множества, отъ торгу мягкія рухляди, и пребывающе въ радости и въ веселіи, благодаряще всемогущаго Бога, что дарова Богъ Государю такую благодатную землю.

О посланіи Царевича Маметкула Кучумова къ Москвѣ.

По повелѣнію Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Воевода Иванъ Глуховъ и Сибирскіе атаманы и казаки, послаша ко благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, во царствующій градъ Москву, Царевича Сибирскаго Кучумова сына Мамешкула, со многими его людьми; и второе отъ Государя, съ Москвы въ Сибирь, атаманомъ и казакомъ, бысть великое жалованье.

О убіеніи атамановъ Ивана Кольца и Якова Михайлова съ дружиною.

Того же лѣта, пріидоша во градъ къ Ермаку съ дружиною, отъ Карачи послы просити людей, оборонити ихъ отъ Нагайской орды, и шертоваша на томъ, что ни котораго зла

казакомъ не учинити и не мыслити. Ермакъ же съ дружиною повѣриша ихъ безвѣрному шертованїю, а они злии Агаряне совѣщаша совѣтъ неблагодарный на Христїанъ; казацы же оскудѣша умы своими, и не помянуша реченнаго Пророкомъ: не всякому духу вѣруйте, но изпытайте духи; не всякъ бо духъ отъ Бога есть, есть бо духъ Божїй и духъ льстечь; и льсти и лукавства ихъ окаянныхъ не уразумѣша, и нрава ихъ не вѣдуща, что сверхъ ихъ шерти емлютъ у нихъ аманатовъ, ихъ ради злаго пронырства и непостоянства лукаваго Карачина, и невозмогоша домыслитися, и отпустиша къ нему атамана Ивана Кольца, да съ нимъ М҃ (40) человѣкъ, и тїи сами предашася въ руки окаяннымъ и нечестивымъ врагомъ, безбожнымъ Агаряномъ, и тамо вси сїи избїени быша отъ нечестиваго Карачи. Слышано же бысть во градѣ атаманомъ и казакомъ, что атаманъ Иванъ Кольцо съ дружиною своею побїени быша, и рыдаху

горько по нихъ вся братія, плачуще изъ глубины сердца. Вниде же сія во уши поганыхъ Агарянъ, которіи живяху близь града того, яко атаманъ Иванъ Кольцо съ дружиною побьени быша, тогда атаманъ Яковъ Михайловъ, хотя надъ окаянными промыслъ учинити; пойде подъ нихъ въ подсмотръ; они же окаяннiи яше его и убиша: и тако сіи добріи и храбріи воини атаманы скончашася.

О приходѣ подъ городъ Карачинъ и о побѣдѣ и о убіеніи сыновъ его.

Того же года, во время святаго великаго поста, егда наставше мѣсяцъ Мартъ, въ то же время настоящія тоя годины, пріиде Карача со многими своими людьми въ силѣ и въ мощи своей, облегоша весь градъ обозами; самъ же Карача сталъ не въ коемъ мѣстѣ, зовомомъ Саусканъ, отъ града яко поприща за три. Казацы же пре-

бывающе во осадѣ не мало время, зима уже мимоиде, прилѣтїе же прїиде, веснѣ приспѣвшу, потомъ же и лѣту дошедшу, земля прошибающе злакъ свой и возрастающе семена своя и птицамъ возпѣвающимъ, но вкратцѣ реку, вся суть обновляема, Карача же нимало отступи, но стоя во обступленїи града, хотя ихъ уморити гладомъ, и аки нѣкая ехидна, дыхая на казаковъ уклонишася въ злоокаянную свою мысль, хотя ихъ похитить, и простре руки своя окаянный на убьенїи казаковъ, и собранїе ихъ хотя себѣ взяти, и стоя подъ градомъ многое время. И егда мѣсяцъ Іюнь наста и приспѣвшу дни ві (12) повраша зимняго, и въ то время, въ едину нощь, съ казацы же атаманъ Матѳей Мещерякъ изыдоша изъ града отай, гласу же ни виску никако же ни отъ единаго не бысть, и пришедъ къ станомъ Карачинымъ и умыслиша напасти на нихъ, и хотя отомстити наносимыя имъ отъ него тяжкїя обиды, и поидоша на

нечестиваго и лживаго супостата, и тамо ему жестоко и немилостивно отомщеніе покушахуся воздати; во градѣ же остася Ермакъ не со многими людьми. Пріидоша же прочіи казацы подъ Карачу въ Саусканъ, и мужески и храбро на станы ихъ нападоша, поганымъ же спящимъ безо всякаго опасенія, и милостію Божіею и Пречистыя Богородицы помощію, казацы же поганыхъ посѣкоша много множество, и дошедше близь Карачина стану, и двух сыновъ его убиша, поганіи же бѣгаютъ отъ казаковъ семо и овамо; самъ же Карача и съ нимъ не мнози за озера убѣгоша, и иніи же побѣжаша, идѣже поганіи стояша во оступленіи града, и уже нощи прошедши, свитающи дневи, поганіи же слышавше се отъ града вси скорятъ въ Саусканъ, надѣяхуся казаковъ смерти предати, и доидоша до нихъ и нача составляти брань, казацы же ни мало того устрашишася, но и паче укрѣпляшеся, поганіи же на нихъ жестоко приступающе,

казацы же отъ нихъ защищахуся въ Саусканѣ, и тако бысть брань до полудни, и преста бранное ополченіе, поганіи же отступиша отъ нихъ, казацы же возвратишася во градъ свой радующеся, и веселящеся, и хвалу воздающе всемогущему Богу; видѣвше же Карача, яко казаковъ одолѣти не возможе, и отойде во свояси съ срамомъ.

О убіеніи храбраго атамана Ермака съ Русскими вои.

Того же лѣта, мѣсяца Августа въ є҃ (5) день, на предпраздество Преображенія Господня, на память святаго мученика Евсигнія, пріидоша вѣстницы отъ Бухарцовъ торговыхъ людей, атаманомъ и казакомъ къ Ермаку съ дружиною и сказаша, что ихъ Царь Кучумъ не пропуститъ; и Ермакъ же не со многими людьми пойде на встрѣчу (по рѣкѣ) Иртишу, и пришедъ на Вогаи Бухарцовъ не обрѣте, и доидоша

до мѣста, зовомаго Атбашъ, и оттолѣ возратишася, уже бо дни прешедшу и нощнѣй тьмѣ нашедши, казацы же зѣло утрудишася отъ многаго пути, и дошедше до перекопа и обночевавшеся ту. Царь же Кучумъ подсмотри ихъ, и разосла многихъ Татаръ, и повелѣ твердо стрещи; тое же нощи бысть дождь великъ, поганіи же, аки ехидна нѣкая, дышуще на Ермака съ дружиною, и мечи свои готовляху на отомщеніе, уповаху наслѣдити, конецъ желаемаго своего дѣла возхотѣша учинити: время же бѣ наста яко въ полунощи, Ермакъ же съ дружиною спаху въ станѣхъ въ полагахъ, поганіи же яко неистово дышуще готовляшеся на пролитіе крови, и разумѣша, яко время есть уже хотѣніе свое изполнити, и скоро оружіе свое извлекоша, и на станъ ихъ нападаютъ, и обнаженными мечи погубляютъ ихъ, и тако ту вси избіени быша, единъ токмо утече; а велеумный и храбрый ритоpъ Ермакъ убіенъ бысть(13). Послѣди же нѣ-

цы глаголютъ отъ языкъ о томъ, яко возпрянувъ ту храбрый вашъ воинъ и Ермакъ отъ сна своего, и видѣ дружину свою отъ насъ побиваемыхъ, и ни коея надежды можно имѣти ему животу своему, и побѣже въ стругъ, и не може доити своихъ си, понеже бо въ дали разстоянїе, и туто вверженся въ рѣку и утопе; но посланїемъ Божїимъ прїиде на воиновъ храбрыхъ и крѣпцыхъ казацевъ внезапу смерть, и тако животъ свой скончаша. Слышано же бысть во градѣ атаману Матѳею Мещеряку съ дружиною, яко начальный атаманъ, велеумный Ермакъ съ дружиною, побьени быша, они же во градѣ плакахуся по нихъ горько.

О походѣ казаковъ на Русь.

И не по мнозѣхъ днѣхъ атаманъ Матѳей Мещерякъ со оставшими казаки поидоша на Русь, а градъ оставиша Сибирь пустъ.

О приходѣ Царевича Аллія Кучумова во градъ.

Егда же они казаки изъ града изыдоша, тогда Царевичь Алли, Кучумовъ сынъ, видѣ бо казаковъ изшедшихъ изъ града, и пришедъ съ своими людьми во градъ; посемъ и отецъ его Царь Кучумъ пріиде ту во градъ свой стольный Сибирь, радовашеся.

О приходѣ Сейдековѣ.

Вниде же сія во уши князю Сейдеку Бекбулатову сыну, яко вожъ и наставникъ казачей, атаманъ Ермакъ, убіенъ бысть, а прочіи казаки изъ града поидоша, и сему Татарове радовахуся и веселяхуся вельми зѣло, понеже боязнь велію отъ нихъ имѣяху; потомъ князь Сейдекъ Бекбулатовъ небоязненно пріиде ко граду Сибири, и Царя Кучума, побѣди и градомъ Сибирью облада.

О второмъ приходѣ съ Москвы Воеводы Ивана Мансурова, и о возвращеніи Волскихъ казаковъ атамана Матөея Мещеряка съ товарищи и съ прочими оставльшимися воинскими людьми, иже прежде бывшихъ въ Сибирской землѣ войною.

Во вторoе лѣто по Ермаковѣ убіеніи, въ лѣто ҂ЗЧД (1586) году, послѣ Семенова дни лѣтопроводца, посла Государь изъ царствующаго града Москвы Воеводу Ивана Мансурова со многими воинскими людьми, и той пришедъ на Туру рѣку, ту встрѣтоша Волскаго атамана Матөея Мещеряка съ дружиною, и радовахуся и веселишася казацы о пришествіи воеводъ въ Сибирскую землю, и оттолѣ возвратишася вси вкупѣ единодушно на безбожныхъ Агарянъ; и пойдоста въ низъ по Турѣ, и по Иртишу и до Тоболу, идѣже нынѣ Богоспасаемый Русскій градъ Тоболескъ. Поганіи же, собрашася во уреченномъ мѣстѣ, у рѣки

Иртиша на брегу. Воевода же видѣвъ такoвое поганыхъ собранїе и устрашишася вельми, и не присташа ко брегу, и паки поидоша въ низъ по Иртишу, и дойде великїя рѣки Оби; бѣ бо тогда уже осень, и наста година зимняя и воздухъ небесный премѣнися на студенъ, и бысть снѣгове и ледъ по рѣцѣ смерзается; Воевода же оный видѣ премѣненїе воздуха, яко наста зима, и ту озимѣвше и поставиша городокъ надъ рѣкою Обью, на усть Иртиша, и сѣдше въ немъ со всѣми людьми своими; съ ними же бѣ и Волстїи казацы Матѳей Мещерякъ съ дружиною.

О пришествїи Остяковъ подъ городокъ.

По нѣколицѣхъ же днѣхъ, прїидоша подъ городокъ Остяковъ множество, и начаша приступати со всѣхъ странъ, людїе изъ городка того противу нашедшихъ противляхуся со стѣнъ го-

родка; нашедши же нощнѣй тьмѣ, погании отступиша. На утріи же поганіи паки пріидоша къ городку и принесоша кумира своего, его же чтяху, и поставиша его близь городка подъ древомъ, въ низкомъ мѣстѣ, и начаша предъ нимъ жрети, чая себѣ нечестивіи помощника Христіянъ одолѣти и мечу ихъ предати; той же кумиръ поганымъ нарочитъ и славенъ; и мнози поганіи приносятъ ему дары изъ дальнихъ городовъ вельми множество, по вся дни, и въ то время изъ городка казаки стрѣлиша изъ пушки, и древо оно, подъ нимъ же поганіи кумиру творяху жертву, разбиша на многія части, и кумира ихъ сокрушиша; и сего поганіи Агаряне устрашишася, невѣдуще сего и мняху, яко изъ лука стрѣлиша нѣкто, и рекоша сами себѣ: сильни убо Русстіи воини стрѣляти, таковое великое древо разбиша и боги наша сокрушиша, и отъ того времени къ городку приходити Остяки не сташа.

О третьемъ приходѣ съ Москвы Воеводы Данила Чулкова.

И по нѣколицѣ времени, благочестивый Государь Царь и Великій Князь Өедоръ Иваночичь всеа Русіи, прислалъ съ Москвы въ Сибирь Воеводу Данила Чулкова со многими воинскими людьми, и со огненнымъ нарядомъ (14); и пришедъ въ Сибирскую землю. Слышано же бысть бусурменскимъ языкомъ въ Сибири приходъ его, Татарове же сего убоящася Русскихъ вой много пришествія, избѣгоша отъ града своего, идѣже прежде сего бысть въ Сибири Татарскій ихъ городокъ стольный устьТобола и Иртиша, иже именуемый Сибирь, оставиша его пуста; Рустіи же вои пріидоша, и сѣдоша въ немъ, и утвердивше градъ крѣпко, идѣже бо нынѣ именуемый Богоспасаемый градъ Тоболескъ.

О приходѣ князя Сейдека Бекбулатова съ Сибирскими людьми войною подъ городъ Тоболескъ.

Умысли сей окаянный бусурменскій князь Сейдекъ съ Сибирскими людьми, собрати воинства множество себѣ, и пришедъ войною подъ городокъ Тоболескъ, хотя его взяти, и людей въ немъ побити, да не будутъ въ нашу землю селитися Рустіи людіе, и Государевымъ воеводамъ сказася, что пріиде для торгу, а людей своихъ воинскихъ поставилъ въ укрытѣ, и торговаша съ Русскими людьми день, и наутрія пріиде подъ городъ тайно приступомъ со всѣми своими людьми, и обляже градъ, и нача къ нему приступати. Московстіи же людіе и Волсти казацы видѣвъ ихъ безстудство и жестокой приступъ ко граду, и послабиша имъ приближитися къ стѣнамъ града, и начаша по нихъ со града стрѣляти, и многихъ побиша, а иніи изъ града къ нимъ на вылазку вышедше, и мно-

гихъ побиваше бусорменъ, и живыхъ яша, и самаго князя Сейдека на томъ бою ухватиша ранена; они же окаяннїи бѣгству яшася и въ станы своя бѣжаша, Рустїи же вои и до становъ ихъ за ними гнаша сѣкуще; они же оставиша станы своя и все свое богатство въ станѣхъ своихъ и сами едва утекоша; и на семъ бою Волскїй атаманъ Матѳей Мещерякъ убїенъ бысть; и оттолѣ на всѣхъ Сибирскїя земли бусорменѣхъ бысть страхъ велїй, и всѣ Татаровя ближнїи и дальнїи не смѣяше къ Государевымъ городомъ войною приходити (15).

О устроенїи градомъ и острогомъ въ Сибирской землѣ.

По повелѣнїю Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русїи, и по немъ сына его Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русїи, начася въ Сибирской

землѣ городы и остроги поставляшися, и разпространяшися въ Сибирской странѣ крестьянская православная вѣра, и церкви Божїя воздвигнушася, и проповѣдь Евангельскаго ученїя обтече во вся конца Сибирскїя земли, и псаломскїй громъ огласи на мнозѣхъ мѣстѣхъ; повелѣнїемъ ихъ Государей поставишася грады и остроги Христїянскїя, и въ нихъ церкви Божїя воздвигнушася, и монастыри состави шася въ славословїе Отцу и Сыну и святому Духу. И видѣвше невѣрнїи таковую благодать въ ихъ странѣ просїявшу и Государскую высокую руку надъ собою возвысившуся, и подъ его Государеву руку мнози покоришася, и оставльше свою богомерскую вѣру, и мнози невѣрнїи приходяще въ крещенїе и крестящеся живуще въ православной вѣрѣ, и всюду убо Божїя благодать разпространяшеся, и богатно излїяся въ Сибирской странѣ земли.

О ясашномъ сборѣ.

По взятіи же и по очищеніи всея Сибирскія земли и по усмиреніи бусурменскаго языка Сибирскихъ Татаръ, и Остяковъ и Вогуличь, честныхъ людей Семена и Максима и Никиты Строгановыхъ промысломъ, и подмогою, и храбрствомъ и мужествомъ добрыхъ и добродныхъ воинъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимоѳеева Поволскаго съ товарищи, и еще къ сему приложища тіи честніи людіе, кои бусурмене живуще близь ихъ городковъ и острожковъ по Камѣ, и по Чусовой, и по Усвѣ, и по Сылвѣ, и по Яйвѣ, и по Обвѣ, и по Инвѣ, и по Косвѣ и по инымъ рѣкамъ, и тѣхъ всѣхъ бусорменъ приведоша къ шерти, что имъ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи служити безъ измѣны, и во всемъ ему Государю прямити и доброхотити, и ясаки съ себя имъ давати. И оттолѣ начаша Семенъ и Максимъ и Никита,

изъ городковъ и изъ острожковъ своихъ, того ясашнаго ради сбору по рѣкамъ въ Татарскїе, и въ Остяцкїе и въ Вогульскїе улусы, людей своихъ посылати и ясакъ съ нихъ бусурменъ собирати, и къ Москвѣ съ людьми своими въ Ноугородскую четь посылати. И потомъ повелѣнїемъ Государевымъ Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русїи, и съ тѣхъ бусорменъ ясашные сборы начашася сбиратися по городомъ отъ воеводъ, гдѣ тѣ языцы живяху въ разныхъ мѣстѣхъ: въ Чердынь, и на Уфу, и на Верхотурьѣ и по инымъ городомъ Сибирскимъ, гдѣ тѣ языцы окрестъ живуще близь городовъ (16).

Изложена же бысть сїя повѣсть о поставленїи городовъ и остроговъ въ Сибирскихъ земляхъ и о отпущенїи въ Сибирь атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, и о похожденїи ихъ казачьемъ въ Сибирскихъ странахъ, и о побѣдѣ Царя Кучума, и о взятїи сына его Царевича Маметкула, и о владѣнїи

Сибирской земли Государевыхъ людей Русскихъ, сїя словеса о семъ преходятъ въ конецъ сей повѣсти, всякъ бо чтый да разумѣетъ и дѣло толикїя вещи не забываетъ, на воспоминанїе сїе писанїе написахъ, да незабвенной будетъ толикїя вещи трудъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ

ЛѢТОПИСИ СИБИРСКОЙ.

(1). Примѣръ вѣроломства Кучумова. Въ то время, когда онъ увѣряетъ Царя Іоанна Васильевича въ дружбѣ своей, сынъ его грабитъ и убиваетъ Русскаго посланника, прибывшаго къ Кучуму съ жалованною Царскою грамотою. Не льзя думать, чтобы Маметкулъ сдѣлалъ сіе безъ воли отца; но безъ сомнѣнія дружба Кучумова была для того только, чтобы произведя въ Русскихъ оплошность, тѣмъ вѣрнѣе и удобнѣе безпокоить ихъ набѣгами. Политика, достойная Татарскаго сердца. Подлинная грамота о убіеніи Третьяка Чебукова и различныхъ выгодахъ, пожалованныхъ Строгановымъ, помѣщена Миллеромъ въ описаніи Сибирскаго царства (гл. II, § 18, стр. 70—74). Здѣсь же приво-

дится грамота отъ Кучума къ Царю Іоанну Васильевичу, писанная въ 1570 году, и любопытная по слогу и Исторической достопамятности.

« Богъ богатъ. »

« Вольный человѣкъ Кучумъ Царь, Великій Князь Бѣлый Царь. Слыхали есмя . . . еси и справедливъ; мы и весь народъ земли воюются; а не учнутъ воеваться и они мирятся. Съ нашимъ отцомъ твой *отецъ* гораздо помирився, и гости на обѣ стороны ход*или*, потому что твоя земля близка; люди наши въ упокоѣ были, а межи ихъ лиха не было, а люд*и черные* въ упокоѣ, въ добрѣ жили; и нынѣ при нашемъ и при твоемъ времени люди черные не въ упокоѣ. А по ся мѣсто грамоты къ тебѣ не посылалъ есми потому, что не съ которымъ намъ война была и мы того недруга своего взяли; и нынѣ похошь миру, и мы помиримся, а похошь воеватися, и мы воюемся: пяти шти человѣковъ въ пойманьи держать, землѣ въ томъ что? Язъ пошлю посла и гостей, да гораздо помиримся, только похошь съ нами миру, и ты изъ тѣхъ людей одного, которые въ пойманьи сидятъ, отпусти и своего человѣка съ ними къ намъ пришли гонцомъ. Съ кѣмъ

отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣжъ быти пригоже; будетъ въ дружбѣ бывалъ, ино въ дружбѣ и быти, кого отецъ обрѣлъ себѣ *друга* и брата, сыну съ тѣмъ въ недружбѣ быти ли? И нынѣ . . . помиримся братомъ старѣйшимъ . . . чимъ учинимся въ отечествѣ . . . ствѣ учинимся, только похошь миру, и ты на борзѣ къ намъ гонца пришли. Молвя, съ поклономъ, грамоту послалъ.»

Грамота сія въ переводѣ (вѣроятно съ Татарскаго языка) напечатана въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, во II части, на стр. 52. — Я перемѣнилъ въ ней только правописаніе, и выставилъ или дополнилъ нѣкоторыя разобранныя мною слова, вмѣсто коихъ въ печатной грамотѣ поставлены точки, отличивъ ихъ отъ прочихъ косыми буквами.

(2) Миллеръ, слѣдуя Тобольской лѣтописи, предпочитаемой имъ *по полнотѣ* ея предъ всѣми другими, утверждаетъ (Истор. Сибир. кн I, гл. 2, стр. 75 — 79), что будто бы Ермакъ съ товарищами своими бѣжалъ съ Волги на Каму въ 1577 году, убоясь преслѣдованія Стольника *Ивана Мурашкина*, и

что всѣхъ людей было съ нимъ до семи тысячь. Тоже самое говоритъ Фишеръ въ своей Сибирской Исторіи (кн. I, стр. 114), которая впрочемъ не иное что есть, какъ сокращеніе Миллеровой. Тоже повторяютъ и многіе другіе, переписывавшіе ихъ сочинители.

(3) Ни Миллеръ, ни Фишеръ, ни послѣдователи ихъ не говорятъ, чтобы Ермакъ съ товарищами прожилъ въ Чусовскихъ городкахъ два года и два мѣсяца; а потому всѣ они несогласны въ счисленіи времени съ изданною нами Лѣтописью.

(4) У Миллера (Истор. Сибир. гл. 2, стр. 79—82) и у Фишера (Истор. Сибир. кн. 2, стр. 116—118) сказано о двухъ походахъ Ермака съ товарищами отъ Строганова въ Сибирь: о первомъ въ 1578, изъ котораго они сбившись съ дороги безъ всякаго успѣха возвратились, и о второмъ удачномъ походѣ въ 5,000 человѣкахъ 1579 года, для коего Строгановъ снабдилъ ихъ искусными проводниками изъ Зырянъ, оружіемъ и запасами. Но чтобы при семъ случаѣ отправили съ ними Строгановы изъ принадлежащихъ имъ

городковъ своихъ ратныхъ людей *Литвы*, *Нѣмцевъ* и *Татаръ*, ни одинъ изъ сихъ Историковъ не упоминаетъ.

(5) Грамоту сію Миллеръ напечаталъ подлинникомъ (Истор. Сибир. гл. III, § 3, стр. 117—119); но съ нѣкоторыми пропусками, перемѣнами и прибавленіями противъ нашей Лѣтописи, и притомъ помѣстилъ ее послѣ взятія Сибири, между тѣмъ, какъ ей должно бы предшествовать тому. Историческая важность сей грамоты, показывающей истинное время отправленія Строгановыми Ермака съ товарищи на Сибирь, побудила меня внесть сюда Миллеровъ списокъ, съ означеніемъ косыми буквами всѣхъ прибавленныхъ имъ словъ, и такими же буквами въ скобкахъ, находящихся въ нашей Лѣтописи, но Миллеромъ пропущенныхъ или переиначенныхъ.

« Отъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссіи въ Чюсовую Максиму Яковлеву сыну, да Микитѣ Григорьеву сыну Строгановымъ, писалъ къ намъ изъ Перміи Василій Пелепелицынъ, что послали вы изъ остроговъ (*изъ острожковъ*) своихъ Волжскихъ атамановъ и казаковъ Ермака съ то-

варищи воевать Вотяки, и Вогуличей (*и Татаръ*), и Пелымскія и Сибирскія мѣста чА (7091 *года*) Сентября въ 1 день, а въ тотъ же день собрався Пелымской Князь съ Сибирскими людьми и съ Вогуличи приходилъ (*приходили*) войною на наши Пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни, (*и*) къ острогу приступалъ (*приступали*), и нашихъ людей побили, и многіе убытки нашимъ людемъ починили (*учинили*), и то сдѣлалось вашею измѣною, вы Вогуличь, и Вотяковъ и Пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали (*задрали*) и войною на нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ Салтаномъ ссорили насъ, а Волжскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указа, а тѣ атаманы *и* съ казаки прежъ того ссорили насъ съ Нагайскою ордою, пословъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали, и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людемъ многіе грабежи и убытки чинили, и имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу Пермскую землю оберегать (*оберегати*) и они здѣлали съ вами вмѣстѣ по тому жъ, какъ на Волгѣ чинили и воровали, въ которой день къ (*въ*) Перьми (*и*) къ Чер-

дыни приходили Вогуличи *Сентября въ* ї *день*, а въ тотъ же день отъ тебя (*васъ*) изъ остроговъ (*изъ острожковъ* Ермакъ съ товарищи пошли воевать Вогуличи, (*и Остяковъ и Татаръ*), а Перми ни чемъ не пособили, *и то все сталося вашимъ воровствомъ и измѣною, а только бы вы намъ служили, и выбъ тѣхъ козаковъ въ тѣ поры въ войну не посылали, а послали ихъ и своихъ людей изъ своихъ остроговъ нашія земли Пермскія оберегать.* И мы послали въ Пермь Воина Оничкова, а (*и*) велѣли тѣхъ казаковъ Ермака съ товарищи взявъ отвести въ Пермь и въ Усолье въ Камское, и туто (*тутъ*) имъ стоять (*стояти*) велѣли раздѣляся, *и изъ тѣхъ мѣстъ на Пелымскаго Князя зимою на нартахъ ходить воевати велѣли есмя тѣмъ всѣмъ казакамъ, и Пермичамъ и Вятчанамъ, съ своими Посланники съ Воиномъ съ Оничковымъ да съ Иваномъ съ Глуховымъ, чтобъ впередъ воинскіе люди Пелымцы, и Отяки и Вогуличи съ Сибирскими людьми на наши земли войною не пришли, и нашея земли не извоевали; а велѣли есмя тѣмъ казакамъ быти въ Перміи до весны, и на Отяки*

и на Вогуличи ходити съ Воиномъ воевить и ихъ въ нашу волю приводить по нашему указу. А выбъ обсылася въ Чердынь съ Васильемъ съ Пелепелицинымъ и съ Воиномъ съ Оничковымъ посылали отъ себя воевать Вогуличь и Отяковъ, а одноличнобъ естя по сей нашей грамотѣ казаковъ всѣхъ только къ вамъ изъ войны пришли, послали ихъ въ Чердынь тотчасъ и у себя ихъ не держали; а будетъ для приходу вамъ въ острогѣ быти нельзя и выбъ у себя оставили не многихъ людей человѣкъ до ста съ которымъ атаманомъ, а достальныхъ всѣхъ выслали въ Чердынь одноличнo тотчасъ (*а однолично бы вамъ у себя казаковъ не держати, а буде вамъ для приходу въ острогѣхъ быти нельзя и вы бы у себя оставили не многихъ людей съ которымъ атаманомъ человѣкъ до ста, а достальныхъ всѣхъ выслать въ Чердынь однолично тотчасъ*). А не вышлете изъ остроговъ своихъ *въ Пермь* Волжскихъ казаковъ атамана, Ермака Тимофѣева съ товарищи, а учнете ихъ держати у себя, и Пермскихъ мѣстъ не учнете оберегати, и такою вашею измѣною что надъ Пермскими мѣсты учинится отъ Вогуличь и отъ Пе-

лымцовъ и отъ Сибирскаго Салтана людей впередъ (*и впередъ*), и намъ въ томъ на васъ опала своя положить большая. А атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшати, а выбъ тѣхъ казаковъ одноличнно отпустили отъ себя въ Пермь, *и нашимъ дѣломъ надъ Пелымцы, и на Вогуличи и на Вотяки промышляли по нашему указу ссылаяся о томъ съ Васильемъ Пелепелицынымъ и съ Воиномъ Оничковымъ, чтобъ далъ Богъ ихъ извоевать, и въ нашу волю привести, а Пермской земли и вашихъ остроговъ уберечи.* Писанъ на Москвѣ лѣта 7091 Ноября 16 дня.»

Удивительно, что Миллеръ, имѣя у себя въ рукахъ столь важный Исторической документъ, какова грамота, основался во времени отправленія козаковъ Строгановыми въ Сибирь на недостойной вѣроятія Тобольской лѣтописи, и показалъ ранѣе означеннаго въ нашей Лѣтописи двумя годами, двумя мѣсяцами и осьмнадцатью днями; а посему и послѣдующія произшествія несогласны ни съ сею грамотою, ни съ Лѣтописью, и вѣроятно, съ самою истиною.

(6) Миллеръ и Фишеръ, до прихода Ермака съ товарищи на устьѣ рѣки Тавды, помѣстили многія произшествія, заимствованныя первымъ изъ Тобольской лѣтописи; но которыя по собственному его признанію (Истор. Сибир. гл. II, § 55) не содержатся ни въ какомъ другомъ лѣтописцѣ. Не утверждая и не отвергая достовѣрности оныхъ произшествій, кромѣ тѣхъ, коихъ баснословный вымыселъ съ перваго взгляда открывается, замѣтимъ: 1) что по нашей Лѣтописи Татаринъ Таузакъ, у Миллера названъ *Таузаномъ*, и притомъ не сказано имъ, чтобы онъ отправленъ былъ отъ Ермака къ Кучуму, а вмѣсто того приведенъ другой Татаринъ *Кутугай*, съ которымъ будто бы посланы были даже дары отъ перваго къ послѣднему; но сего также нѣтъ ни въ нашей Лѣтописи, ни въ другихъ, по словамъ самаго Миллера; 2) что Ермакъ во вторичный походъ отъ Строгановыхъ отправился съ 3,000 человѣкъ; на сдѣланномъ же имъ весною въ 1580 году смотрѣ было уже только 1636 человѣкъ, а послѣ бою съ Татарами на Турѣ весною 1581 года, осталось не больше 1060 человѣкъ; послѣднее число людей довольно близко съ тѣмъ, какое показано и въ нашей Лѣтописи,

при отправленіи Ермака отъ Строгановыхъ.

Повѣствованіе Таузака предъ Кучумомъ, отличаясь совершенною простотою, показываетъ, что соотечественники его не были еще знакомы съ губительнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, извѣстнымъ въ Европѣ прежде того за 2¦о лѣтъ. « Такови бо суть Рустіи воини сильніи, говоритъ онъ Кучуму, егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огнь пашетъ и дымъ великъ изходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси, а стрѣлъ изходящихъ отъ нихъ не видѣти. » Сіе приводитъ на мысль жителей Новаго Свѣта, которые подобнымъ удивленіемъ поражены были, увидя Испанцевъ и огнестрѣльное ихъ оружіе.

(7) Въ другихъ извѣстіяхъ Царь *Иванъ* называется *Онъ* и *Онсомъ*. Разысканіемъ о немъ и прочихъ упоминаемыхъ здѣсь владѣтеляхъ, Миллеръ и Лербергъ наполняютъ нѣсколько страницъ. Миллеръ полагаетъ, что Онъ жилъ во время Чингисъ-Хана, а Лербергъ, что во второй половинѣ XIV вѣка, и былъ тотъ самый, о которомъ Абулгази говоритъ подъ именемъ Онди, и который

происходитъ отъ Шейбани Хана, сына Тушїева и внука Чингисъ-Ханова. Побѣдитель же Она, по мнѣнїю перваго (Истор. Сибир. гл. I, стр. 34 и слѣд.) былъ славный Чингисъ-Ханъ, а по мнѣнїю втораго (Изслѣд. стр. 62) нѣкто Едигей изъ Нагайскаго племени; но оба мнѣнїя не доказаны, и притомъ Миллерово не льзя согласить ни съ временемъ, ни съ преданїями.

(8) Сраженїе Ермака съ сыномъ Кучума Маметкуломъ, по Исторїи Миллера (гл. II, § 58) и Фишера (кн. I, отд. I, стр. 125) происходило 1581 года въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

(9) Нашествїе козаковъ на Карачинъ улусъ случилось по Исторїи Миллера (гл. II, § 61) и Фишера (кн. I, отд. I, стр. 125) почти въ тоже время, когда и сраженїе съ Маметкуломъ, именно: 1581 года въ Августѣ. Миллеръ, при извѣстїи о взятїи улуса Карачи, говоритъ, о обратномъ походѣ Ермака изъ Сибири, о предсказанїяхъ сдѣланныхъ Ермаку отъ шамана и о сорокодневномъ постѣ, наложенномъ Ермакомъ по особенному обѣту на козаковъ. Всѣ сїи обстоятельства не помѣщены въ нашей Лѣтописи и не имѣютъ Исторической достовѣрности.

(10) Вступленіе въ городокъ Атика мурзы описано у Миллера (гл. II, § 78 и слѣд.) и у Фишера (кн. I, отд. I, стр. 126) 1581 года въ Сентябрѣ. Но оба сіи Историка опустили здѣсь многія подробности лѣтописей, важныя и любопытныя для насъ Русскихъ, и которыя столь искусно и столь трогательно умѣетъ изображать отечественное перо нашего знаменитаго Исторіографа.

(11) Сей походъ по Исторіи Сибирской Миллера (гл. III, § 33) предпринятъ былъ Ермакомъ для продолженія военныхъ дѣйствій, благополучно начатыхъ *Брязгою*, въ который отправился Ермакъ въ началѣ весны 7191 (1583 года), а возвратился изъ него 20 числа Іюня того же года.

(12) Отправленіе первыхъ воеводъ въ Сибирь и съ ними 500 человѣкъ, послѣдовало Маія 10 дня 7091 (1583). Въ городъ Сибирь прибыли они Ноября 2 дня 7092 (1584) года.

(13) Миллеръ и Фишеръ, слѣдуя Тобольской лѣтописи, говорятъ (Милл. Истор. Сибир. гл. III, § 64; Фиш. кн. I, отд. II, стр. 160), что Ермакъ, убѣгая отъ напавшихъ на него

Татаръ, утонулъ; но такое событіе несообразно съ великими качествами и геройскими подвигами Ермака. Вѣроятнѣе всего, какъ наша Лѣтопись и другія свидѣтельства утверждаютъ, что Ермакъ кончилъ жизнь со славою на мѣстѣ битвы, и можетъ быть повержень въ воду Татарами уже по смерти его. Ермакъ скончалъ жизнь свою, по единогласному свидѣтельству всѣхъ Сибирскихъ лѣтописцевъ, въ ночи съ 5 на 6 число Августа 7092 (1584) года. Тобольская лѣтопись, при повѣствованіи о смерти Ермака, выхваляетъ какъ душевныя качества его, такъ и самый наружный видъ. По словамъ оной, Ермакъ былъ средняго роста, крѣпокъ членами и широкъ въ плечахъ. Лице имѣлъ плоское и пригожее, бороду черную, волосы также черные и нѣсколько кудреватые.

(14) Отправленіе въ Сибирь Данилы Чулкова, въ нашей Лѣтописи показано при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, во всѣхъ же другихъ извѣстіяхъ въ 7094 (1586): слѣдственно при Царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, котораго царствованіе началось съ 1584 года; а посему оное и здѣсь такимъ образомъ изправлено.

(15) Миллеръ описалъ сïе происшествïе несходно съ нашею Лѣтописью. Онъ говоритъ (Истор Сибир. гл. IV, § 12 и 15), что въ лѣтнее время 7096 (1588) года, Сейдякъ, съ султаномъ казачьей орды, съ мурзою Карачею и 500 Татаръ, забавляясь ястребиною охотою, подъѣхали столь близко къ городу Тобольску, что письменный Голова Чулковъ, подозрѣвая въ толь смѣломъ поступкѣ ихъ худый умыселъ, рѣшился самъ разставить для нихъ сѣти. На сей конецъ послалъ онъ звать ихъ къ себѣ на обѣдъ и для мирныхъ переговоровъ; но съ тѣмъ, дабы взяли они съ собою въ городъ людей своихъ не болѣе ста человѣкъ, а прочихъ оставили за городскими воротами.— Татарскïе князья согласились на предложенïе Чулкова, и онъ принялъ ихъ съ приличнымъ сану ихъ уваженïемъ, не подавъ ни малѣйшей причины къ сомнѣнïю. Во время же стола старался ихъ угощать и поить виномъ, наблюдая между тѣмъ прилѣжно за всѣми ихъ поступками. Примѣтивъ въ Сейдякѣ нѣкоторую задумчивость, онъ сдѣлалъ ему за то укоризну, и въ доказательство искренней дружбы требовалъ, чтобы всякой изъ гостей выпилъ по большой чашѣ вина. Предложенïе Чулкова

не было однако же изполнено. Сейдякъ и всѣ участвовавшїе въ пиру отговаривались отъ вина запрещенїемъ Магометанскаго закона. Сїе было принято Чулковымъ знакомъ худаго умысла ихъ и подало случай къ открытїю истиннаго своего намѣренїя. Тотчасъ, по данному отъ него знаку, вступили вооруженные воины и схватя Сейдяка и другихъ начальниковъ Татарскихъ перевязали, а прочихъ бывшихъ съ ними въ городѣ побили. Не было нужды вступать въ сраженїе съ 400 Татаръ, стоявшихъ внѣ города: ибо они, какъ скоро узнали о произшедшемъ съ ихъ начальниками и товарищами, то всѣ обратились въ бѣгство. Хотя Миллеръ не означаетъ откуда именно почерпнулъ онъ таковое сказанїе; но можно догадываться, что оное заимствовано изъ одного источника съ другими подобными, то есть, изъ Тобольской лѣтописи.

(16) Какъ въ Лѣтописи нашей упоминается изъ Царей только объ Иванѣ Васильевичѣ и Өеодорѣ Ивановичѣ, а изъ городовъ, собственно Сибирскихъ, о Тобольскѣ и Верхотурьѣ, то кажется, со всею вѣроятностїю сочиненїе оной можно отнести къ концу XVI или началу XVII вѣка. Ибо построенїе

города Верхотурья началось и частію совершено Воеводою Васильемъ Петровичемъ Головинымъ и Головою Иваномъ Васильевичемъ Воейковымъ въ 7106 (1598) году, достопамятномъ въ отечественной нашей Исторіи кончиною Царя Ѳеодора Ивановича и вступленіемъ на престолъ Бориса Ѳеодоровича Годунова. Судя по слогу и почерку Лѣтописи, должно заключить, что она и писана около сего же времени. Въ ней, кромѣ того, что несоблюдено правописаніе и изъ знаковъ поставлены однѣ точки, самыя слова иногда написаны сокращенно подъ титлами, а чаще всего одна и двѣ окончательныя или среднія буквы изображены на верьху строки, нѣкоторыми особенными знаками. По сей-то причинѣ нѣтъ никакой возможности обыкновеннымъ способомъ печатанія сохранить всю точность подлинника. Но если бы древность болѣе отдаленная, нежели какую имѣетъ наша Лѣтопись, или другія уваженія, непремѣнно потребовали сей точности, то достигнуть оной можно было бы развѣ только посредствомъ литографіи. Изданіе же ее, по желанію нѣкоторыхъ, безъ соблюденія правописанія, безъ знаковъ препинанія, или съ точками,

поставленными по произволу несвѣдущаго писца, но съ необходимымъ изправленіемъ самаго важнѣйшаго, то есть, сокращенныхъ буквъ и словъ, не принеся никакой существенной пользы, сдѣлало бы сію Лѣтопись для многихъ темною и невразумительною и не достигло бы предположенной цѣли. — Впрочемъ, выправя правописаніе Сибирской Лѣтописи и разставя для удобнаго чтенія и ясности, гдѣ слѣдуетъ знаки препинанія, я напечаталъ ее съ самою строгою точностію, въ чемъ можетъ всякаго удостовѣрить находящаяся у меня подлинная рукопись.

Г. Спасскій.

Письмо Е. П. Г^на Тайнаго Совѣтника и Кавалера Алексѣя Николаевича Оленина къ Издателю Лѣтописи Сибирской.

Я съ большимъ удовольствіемъ и благодарностію получилъ екземпляръ Сибирской Лѣтописи, которымъ вы меня на сихъ днахъ почтили. Я давно желалъ видѣть сію вамъ принадлежащую рукопись XVII вѣка, изданною въ печать — и наконецъ достохвальнымъ попеченіемъ Г. Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова, о разпространеніи всего, что можетъ служить къ вѣрнѣйшимъ Историческимъ свѣденіямъ о Россіи и вашими трудами — желаніе мое изполнилось. Но сколько я былъ обрадованъ симъ новымъ появленіемъ любопытнаго и полезнаго сочиненія въ кругу старинной нашей отечественной Словесности, столько опечалился, увидѣвъ въ заглавіи оной въ гравированной картинкѣ, мнимый портретъ Ермака Тимоѳѣевича. Я весьма сожалѣю, Милостивый Государь мой, о тѣхъ жителяхъ Сибири, кото-

рые, какъ вы мнѣ сказывали и понынѣ увѣрены, что сіе лице должно будто изображать того великаго въ своемъ родѣ мужа, который исторгнулъ у Татаръ богатый Сибирскій край; — тогда какъ оно дѣйствительно представляетъ какого-то неизвѣстнаго западной Европы рыцаря XV или начала XVI вѣка. Вотъ тому явныя доказательства *):

*) Въ Сибири я видѣлъ два живописныхъ портрета Ермака: на одномъ представляется онъ съ лицемъ суровымъ, съ кудрявыми волосами и бородою, вооруженный пикою и мечемъ съ рукояткою, изображающею птичью голову; на другомъ безъ всякаго оружія, съ видомъ благообразнымъ и съ длинною бородою. Одежда его на томъ и другомъ портретѣ одинакая; она такая же какъ и на приобщенномъ мною къ Сибирскому Вѣстнику и Лѣтописи Сибирской гравированномъ портретѣ Ермака. Хотя первый изъ нихъ встрѣчается гораздо чаще послѣднаго; однако же, какъ доказалъ почтеннѣйшій Сочинитель сего письма, не болѣе имѣетъ сходства съ своимъ подлинникомъ. Описанный же въ семъ письмѣ новый портретъ Ермака, отли-

Шапка на семъ рыцарѣ, которую въ Сибири принимаютъ за металлическую или за особый шлемъ, Ермаку принадлежавшій, есть не что иное, какъ бархатная или суконная шапка, называемая *шаперонъ* (chaperon), которую въ XV и XVI вѣкахъ носили почти во всей Европѣ, кромѣ Россіи. Повязка, выказываю-

---

чаясь изяществомъ работы, представляетъ знаменитаго завоевателя Сибири во весь ростъ, *и* въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ по Лѣтописи Ремезовской и по другимъ Историческимъ доводамъ онъ быть долженъ. Слѣдственно сей портретъ можетъ служить образцемъ для рѣзца и кисти художника и болѣе достойнымъ уваженія предметомъ для чтителей памяти сего незабвеннаго мужа, нежели всѣ извѣстные прежніе его портреты, вымышленные усердными но несвѣдущими его почитателями. Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю засвидѣтельствовать истинную благодарность мою Е. П. Алексѣю Николаевичу, ревностному покровителю дарованій и споспѣшествователю ученыхъ трудовъ, за сей неоцѣненный для меня подарокъ. *Г. С.*

щаяся изъ подъ сей шапки, напоминаетъ того же времени другой Европейской головной уборъ, который надѣвали вмѣстѣ съ шапорономъ, а именно: *барету* (barrette), то что нынѣ у насъ скуфьею называется. Въ концѣ XV вѣка во всей Европѣ, особенно военные люди, начали отращивать бороду и въ тоже время появились брызжи, или стоячія, а иногда и отложные воротники у рубашекъ: *колле* или *фрезъ* называвшіеся, (collet ou fraise); которыхъ наши предки, особливо же наши козаки никогда не нашивали; а по тому сей уборъ вовсе Ермаку, (Василью Тимоѳѣевичу) неприличенъ, равно какъ и латы, представленныя на семъ мнимомъ его портретѣ. — Сего рода доспѣхи во времена покорителя Сибири не были употребляемы Русскими воинами, которые тогда вообще цѣльныхъ латъ не носили. Брони наши были или желѣзныя кольчужныя, какъ то: *пансыри;* или изъ желѣзныхъ же пластинокъ, скрѣпленныхъ кольцами, какъ то: *дощатыя брони:* или изъ такихъ же пластинокъ, прикрѣпленныхъ заклепками къ кожѣ и барха-

ту, какъ то: *куяки*; или изъ четвероугольныхъ чешуй, какъ то: *бахтерцы*; или же изъ большихъ разнообразныхъ пластинъ, также къ кожѣ и бархату прикрѣпленныхъ, какъ то: *зерсалы*. Вотъ Русская ратная сбруя того времени; а не цѣльныя съ головы до ногъ латы, во время Ермака употребляемыя: Нѣмцами, Французами, Англичанами и другими народами Европы, кромѣ Русскихъ и Поляковъ, которые въ своемъ вооруженіи болѣе Азіатцамъ, нежели Европейцамъ подражали. Наконецъ самая медаль, повѣшенная на груди сего неизвѣстнаго латника, принимаемая, можетъ быть за Царскую гривну или знакъ почести тогдашняго времени, которымъ Ермакъ никогда не былъ удостоенъ, также доказываетъ подложность сего портрета.

Впрочемъ мнѣ кажется, что прежде завоеванія Сибири, вѣрно не приходило на умъ козацкому того вѣка Атаману заставлять съ себя писать портреты, когда сіе искуство весьма мало еще извѣстно было въ Россіи; во время же завоеванія имъ обширнаго Сибирскаго края, продолжавшагося около трехъ лѣтъ

въ безпрерывныхъ трудахъ и опасностяхъ не было, кажется, ему удобнаго времени заботиться о своихъ портретахъ, да вѣроятно и не было кому ихъ писать; а потому я полагаю, что въ изображеніяхъ сего достопамятнаго мужа, оказавшаго столь великую услугу Россіи, мы должны къ крайнему сожалѣнію ограничиться представленіемъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ могъ быть во всеоруженіи своемъ, не заботясь о вѣрности въ чертахъ его лица. Сіе изображеніе Ермака можно легко и основательно согласить при нѣкоторомъ прилѣжномъ изслѣдованіи, объ образѣ тогдашняго нашего вооруженія, что довольно извѣстно по преданіямъ и по оставшимся драгоцѣннымъ памятникамъ въ Московской Оружейной палатѣ. Сверхъ того мы можемъ, хотя нѣсколько руководствоваться въ томъ рисунками Ремезовской, Тобольской или Сибирской Лѣтописи, въ которой Ермакъ два раза представленъ во всеоруженіи своемъ. Броня его главнѣйше состояла по словамъ той Лѣтописи: „въ пансырѣ битомъ въ 5 колецъ мудростно, длиною

въ два аршина, въ плечахъ съ четью аршинъ, на грудяхъ и межъ крылецъ, печати Царскія, златые орлы. По подолу и рукавамъ опушка мѣдная на три вершка" *).

Хотя рисунки сей Лѣтописи и не весьма изправны, но они съ помощію настоящихъ того времени Русскихъ оружій **) дали мнѣ средство представить Ермака Тимоѳѣевича по крайней мѣрѣ въ томъ самомъ военномъ одѣяніи, въ какомъ онъ въ свое время, вѣроятно хаживалъ. Я старался при семъ новомъ изображеніи завоевателя Сибири, чтобы въ чертахъ его лица и въ его станѣ, сохранено было все, что объ наружномъ его видѣ сказано въ Ремезовской Лѣтописи: „бѣ бо вельми мужественъ, и разуменъ, и человѣченъ, и зраченъ и всякой мудро-

*) Ремезовской Списокъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ стат. 93 (ЧГ) листъ 29, а по старому щету 24 (КД).

**) Малая частица сихъ оружій составляла нѣкогда мою собственность, а нынѣ въ даръ мною посвящена ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ.

сти доволенъ, плосколицъ, чернъ брадою и власы, прикудрявъ, возрастъ средній и плоскъ, плечистъ." Вотъ въ какомъ видѣ я старался изобразить славнаго Ермака! Я посвящаю вамъ Милостивый Государь мой, сей малый трудъ (малый въ отношеніи участія, которое я лично въ ономъ принималъ), въ знакъ моего къ вамъ уваженія за полезныя ваши изысканія. Вы можете, если вамъ угодно будетъ, прибавить прилагаемый при семъ гравированный на мѣди естампъ съ изображеніемъ Ермака Тимоѳѣевича во всеоруженіи своемъ, къ изданной вами Сибирской Лѣтописи, при семъ моемъ письмѣ, а равнымъ образомъ и къ вашему Сибирскому Вѣстнику. Примите искреннее увѣреніе въ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности, съ каковыми чувствами я имѣю удовольствіе быть навсегда вамъ и проч.

7 Іюня 1821.